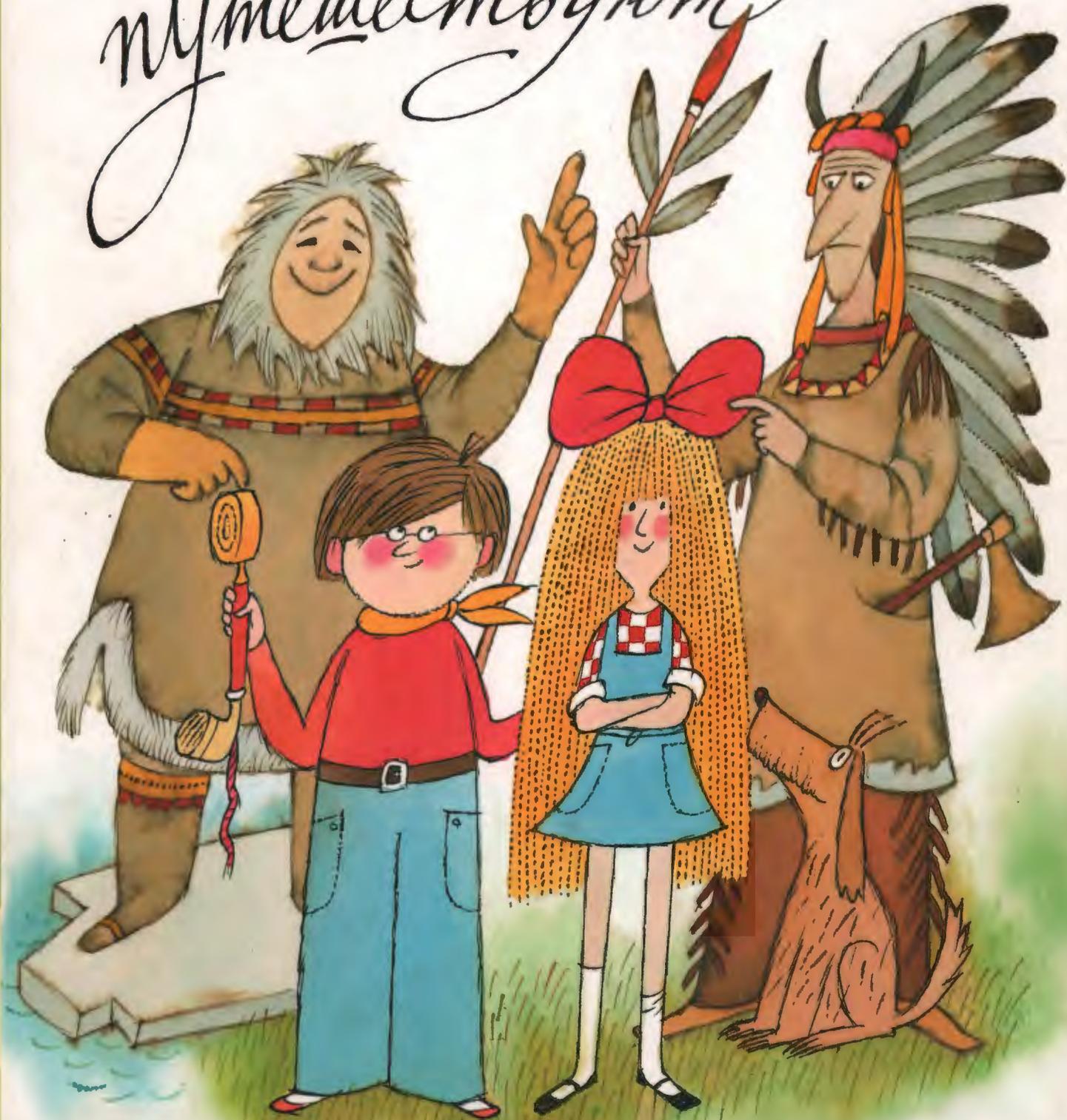

Мах и Шебестова путешествуют

Милош Мацоурек Адольф Борн

Махи Шедестова

путешествуют

Москва
Издательство «Мелик-Пашаев»

2018

От издательства

Если вы до сих пор не успели познакомиться с Махом и Шебестовой, то никогда не поздно это сделать!

Смешной мальчишка в круглых очках и девчонка с большим бантом, а также их верный друг пёс Йонатан родом из Чехии, где их имена известны чуть ли не каждому жителю страны. И в этом нет ничего удивительного, ведь мультфильмы и книги о приключениях этой троицы начали выходить в Чехии с 1982 года и принесли главным героям большую популярность и всенародную любовь.

Мах и Шебестова самые обычные ученики начальной школы. Они живут в одном подъезде, учатся в одном классе, а в свободное время любят играть с соседским псом по кличке Йонатан.

Однажды в руки Маха и Шебестовой попадает волшебная телефонная трубка, исполняющая любые желания (о том, как это случилось, можно узнать из книги «Мах и Шебестова – волшебники из 3 «Б»»). А когда в руки детей попадает волшебный предмет, то вокруг, само собой, начинают происходить прямо-таки невероятные вещи!

1

Как

Мах и Шебестова

спасали в Париже
тётю Вилму

Однажды весной к Шебестовым приехала погостить на выходные тётя Вилма. Шебестова по дороге из школы так и сказала своему другу Маху:

— Ох, чувствую я, опять случится какая-нибудь история!

Тогда Мах спросил, конечно, что это за тётя Вилма такая. Шебестова рассказала, что тётя Вилма — дама в годах и что у неё полно всяких подруг, с которыми она бесконечно болтает по телефону. Раньше она была страшно богатой и колесила по всему миру, но теперь только навещает родственников. Стоит ей появиться в доме, как папа, пан Шебеста, закатывает глаза и говорит: «Опять жди беды!»

Когда Мах в субботу зашёл к Шебестовой в гости, он увидел тётю Вилму воочию: она весила килограммов сто, не меньше, и металась по квартире в поисках очков в одной ночной рубашке и с сигаретой в зубах. Мама, пани Шебестова, кричала:

— Вилма, тебя к телефону! Твоя Ирма звонит!

Тётя Вилма так долго болтала с подругой, что пан Шебеста отправился в гараж менять тормозные колодки, а пани Шебестова решила заглянуть к пани Тихачковой с третьего этажа, чтобы узнать рецепт пирога. А тётя всё висела на телефоне — они с Ирмой вспоминали Париж, куда когда-то ездили вместе.

Маху это наскучило.

— Слушай, Шебестова, — сказал он, — у меня же с собой волшебная телефонная трубка! Пошли куда-нибудь поиграем с ней, не торчать же дома весь день.

А Шебестова в ответ:

— Ага, погоди, только обуюсь и пойдём.

Но, пока Мах ждал Шебестову, случилось нечто ужасное. Тётя Вилма сказала:

— Ирма, подожди секундочку, я только возьму новую сигарету.

И положила трубку рядом с телефоном.

Но поскольку очки она так и не нашла, то, прикурив сигарету, схватила сослепу волшебную трубку вместо обычной и сказала в неё:

— Алло, Ирма, так на чём это я остановилась? Ах, да! Вот бы ещё хоть раз увидеть Париж и побывать на Эйфелевой башне.

Сказала и тут же исчезла.

Мах бросился в прихожую, где Шебестова обувалась, и закричал:

— Шебестова, дружище, нам крышка! Твоя тётя в Париже на Эйфелевой башне!

Мах рассказал, как было дело, и Шебестова схватилась за голову:

— Вот, Мах, начинается! Видишь, от этой тётки Вилмы одни беды, об этом папа и говорил. И что теперь делать? Мы же не можем бросить её там, в Париже, в одной ночной рубашке. Нужно что-то придумать, чтобы она оказалась здесь до того, как родители вернуться. Надеюсь, тебе это понятно.

— Ладно, без паники, — успокоил Мах. — Мы же знаем, где её искать.

Он поднял волшебную трубку, которую тётя от неожиданности выронила, и попросил отправить их в Париж, прямо на Эйфелеву башню. Фьють — и Мах с Шебестовой исчезли вместе с трубкой.

Они оказались в Париже, прямо на смотровой площадке Эйфелевой башни. Там дул сильный ветер, туристы любовались городом и рекой Сеной, которая искрилась в лучах весеннего солнца. Вот только у Маха с Шебестовой

не было времени на всякие восторги, они искали тётю Вилму. Наконец Шебестова как завопит:

— Смотри, вон же она!

И правда, тётя Вилма стояла у перил, и туристы глазели на её ночную рубашку. Бедная тётя без очков ничего толком не видела. Чтобы получше разглядеть город, она наклонялась вперёд всё дальше и дальше, перевешиваясь через перила. И очень зря, потому что, в конце концов, она потеряла равновесие и полетела вниз. Шебестова вскрикнула:

— Мах, спасай её скорее! У тебя же трубка!

Мах выпалил в трубку, не раздумывая:

— Умоляю, превратите тётю Вилму в... шерстяной шарф!

А из трубки ответили:

— Да без вопросов!

Так что, когда тётя Вилма шмякнулась на асфальт, она уже превратилась в лёгкий шерстяной шарф, и ей было хоть бы хны.

Мах с Шебестовой опрометью бросились вниз, но, представьте себе, на асфальте никакого шарфа не оказалось.

— Так, ну всё, нет у тебя больше тёти, — сказал Мах Шебестовой.

Но Шебестова показывала пальцем на какого-то господина: — Мах, посмотри на него!

Мах увидел японского туриста с фотоаппаратом, который держал в руках красный шерстяной шарф. Он осмотрел его со всех сторон и повязал себе на шею — ветер был и правда сильный.

Мах сказал:

— Шебестова, как думаешь — это она?

— Думаю, да. Только представляешь, что будет, если мы превратим сейчас этот шарф в тётю Вилму? Представляешь, как испугается этот маленький японец, когда тётя обмотается у него вокруг шеи?

— Да этот коротышка просто рухнет под её тяжестью, — подхватил Мах. — Ведь она весит не меньше

ста килограмм. А вдруг мы бедняге сломаем шею. Видно, придётся подождать, пока он этот шарф с себя не снимет.

И они принялись ходить по пятам за этим японцем. Зашли с ним в музей Лувра, где по субботам бесплатный вход, в Люксембургский сад, прогулялись по широким бульварам. Японец всё ходил и ходил без устали. Мах с Шебестовой уже еле ноги волочили, а он держался бодрячком да ещё то и дело останавливался пофотографировать. Но вдруг японец взмахнул рукой и позвал такси. У Маха аж глаза на лоб полезли от ужаса:

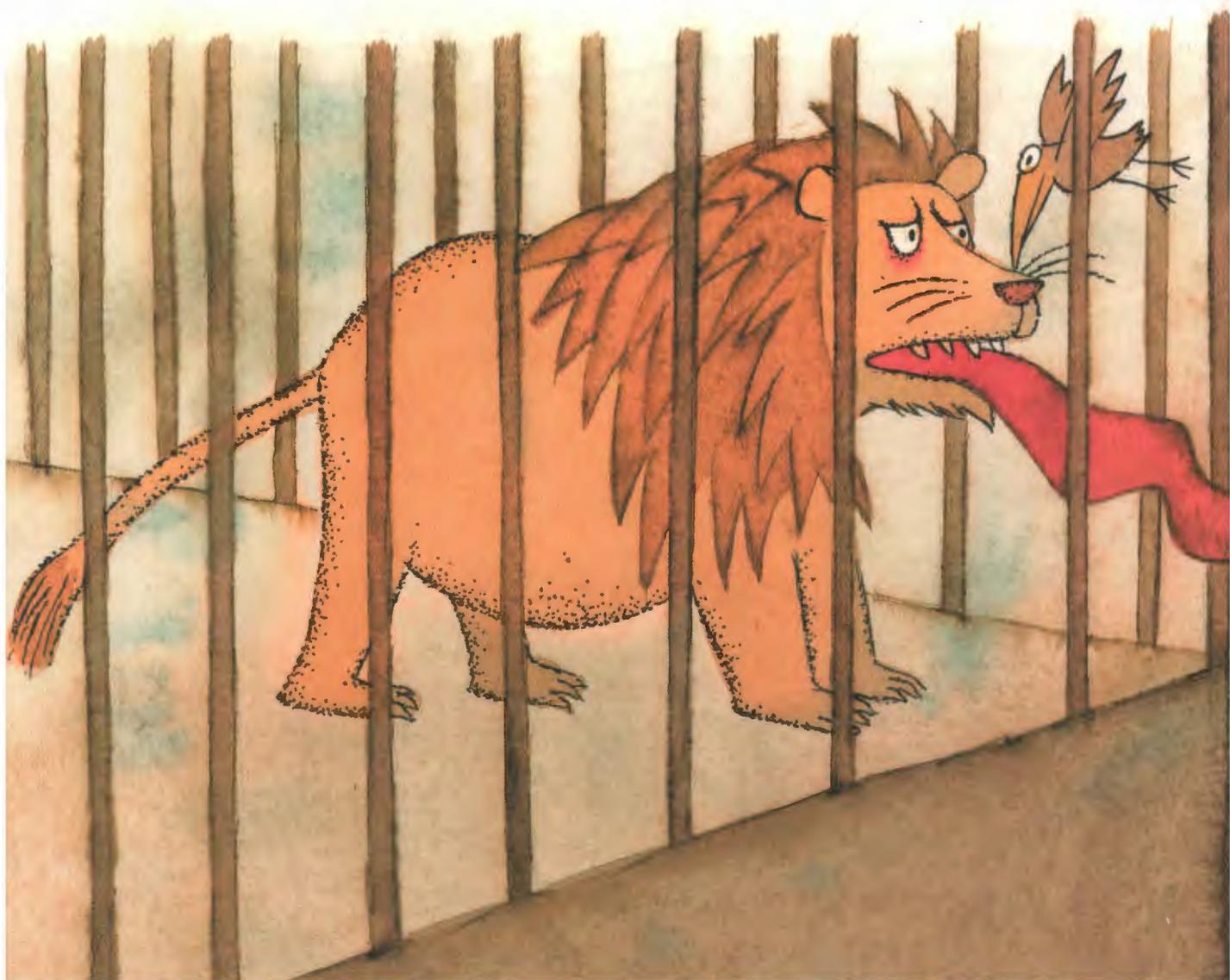
— Всё, нам конец, Шебестова, у меня и так уже ноги отваливаются, а теперь ещё за такси бегать.

— Слушай, Мах, успокойся. Мы не будем идти за такси и даже бежать, мы за ним спокойненько полетим.

И Шебестова попросила трубку превратить их в воробьёв. Воробьи летели-летели за такси и прилетели в зоопарк. Но там приключилось самое страшное, что только можно было себе представить. Порыв ветра сорвал-таки шарф с шеи японца и бросил, как назло, прямо в клетку со львом.

Лев, которому было очень скучно, принялся от нечего делать этот шарф жевать. Он улёгся поудобнее и жевал медленно и рассудительно, чтобы надолго хватило. А Мах с Шебестовой, которые всё ещё оставались воробьями, думали: «Ёлки-палки, не будем же мы просто стоять и смотреть, как бедную тётю пожирает от нечего делать какой-то скучающий лев?!»

Потом они пощебетали между собой по-воробьиному и кое-что придумали. Мах влетел в клетку, уселся льву прямо на нос и давай его клевать куда ни попадя. Лев взревел и вскочил, чтобы расправиться с Махом. А Шебестова только того и ждала — она ухватила шарф клювом и потащила вон.

Лететь с шарфом у неё не получалось: он был весь мокрый от слюней и весил добрых полкило. В общем, не успел лев опомниться, как шарф был уже тю-тю. Король зверей страшно разозлился, что какие-то жалкие воробьи стащили его красную жвачку. Он опять взревел, и на этот раз так громко, что все посетители зоопарка сбежались

посмотреть, что случилось. Но Шебестова успела прочиркать в трубку три раза — это был условный знак. И вот уже трубка превратила их обратно в детей и вместе с шарфом перенесла к Шебестовой прямо домой.

Пани Шебестова как раз в это время возвращалась от пани Тихачковой с рецептом. В прихожей она заметила мокрый шарф, приподняла его двумя пальцами и спросила:

— Что это за гадкая тряпка?

Мах не осмелился признаться, что это тётя Вилма, и промямлил, что это, мол, его шарф. «Фу!» — поморщилась пани Шебестова и тут же бросила шарф в стиральную машину.

— Я тебя в таком виде домой не отпущу, — заявила она. — Что подумают твои родители?

Вскоре и пан Шебеста вернулся из гаража, он весь промок и сразу осведомился, где тётя. Шебестова не знала, что ответить, и ляпнула, что тётя Вилма пошла погулять.

Пан Шебеста схватился за голову:

— Эта дамочка совсем рехнулась — на улице льёт как из ведра, а она отправляется на прогулку!

Пани Шебестова, которая как раз вынимала шарф из стиральной машины, показала на вешалку, где висел тётин зонтик:

— И даже зонт не взяла! Она же промокнет до нитки, вот чудачка!

Тем временем Мах схватил волшебную телефонную трубку, сгрёб в охапку мокрый выстиранный шарф и шепнул украдкой Шебестовой: «Я домой! Пока!» Потом он потихоньку выскользнул за дверь, а на лестничной клетке превратил с помощью трубки шарф обратно в тётю Вилму. После этого он позвонил в дверь Шебестовых, а сам бросился наутёк.

Пан Шебеста услышал звонок и пошёл открывать. Глядь, а за дверью стоит тётя Вилма в ночной рубашке, мокрая насквозь, хоть выжимай.

Пани Шебестова всплеснула руками:

— Боже мой, Вилма! Как тебе только в голову пришло гулять в ночной рубашке под таким ливнем и даже без зонтика! Ты же простудишься! Скорей в кровать, я принесу тебе чай с лимоном.

Тётя Вилма и не возражала, только попросила взять в кровать телефон.

Пан Шебеста принёс телефон, тётя легла и сразу набрала подругу Ирму. И давай ей рассказывать, как она только что побывала в Париже, как упала там с Эйфелевой башни и как в зоопарке её добрых полчаса жевал лев.

Пани Шебестова в ужасе заломила руки:

— Господи боже мой, она бредит! Ей нужно срочно в больницу.

А пан Шебеста озабоченно закивал: ясное дело, тут не до шуток. Вдруг это воспаление лёгких? Поэтому он схватил зонтик и бросился в телефонную будку вызывать скорую помощь. Набирая номер, он пробурчал себе под нос:

— Я же говорил, когда в доме появляется тётя Вилма, беды не миновать.

2

Как

Мах и Шебестова

побывали

на Северном полюсе

Ккак-то раз, когда школьный год уже близился к концу, учительница вызвала Дубинека с Вредком к доске, чтобы они блеснули своим домашним заданием. Но Дубинек никакого задания не сделал, а Вредек тем более. Учительница даже не особенно рассердилась, сказала только, что уже не важно, сделали они на сегодня уроки или нет, всё равно останутся на второй год. Потом она вызвала образцовую отличницу Совову, чтобы та показала своё домашнее задание.

Только образцовая Совова тоже ничего не сделала. Учительница очень удивилась. Тогда Совова разревелась и стала оправдываться. Оказалось, что у них в семье большое горе: дядя Леопольд, брат её папы, профессор научно-исследовательского института, пропал в полярной экспедиции на Северном полюсе. Его искали три месяца кряду, но всё напрасно. Вчера экспедиция вернулась без него. Теперь все боятся: вдруг дядю Леопольда сожрали белые медведи? Совова горько плакала: мол, это был лучший дядя на свете, привозил

подарки для всей семьи из своих путешествий, все его обожали. Она никак не могла успокоиться, и учительница ей, конечно, простила не сделанное домашнее задание. На перемене Мах сказал Шебестовой:

— Жалко, если такой хороший человек вдруг возьмёт да и пропадёт. Давай отыщем этого дядюшку Леопольда! Не зря же у меня в тумбочке лежит волшебная телефонная трубка.

Дети договорились отправиться на Северный полюс сразу же после обеда.

Вот только когда они в школьном коридоре обсуждали свой план, то даже не подозревали, что их подслушивают за углом Дубинек с Вредком. Когда прозвенел звонок на урок, эти двое, вместо того чтобы вернуться в класс, отправились в парк, уселись там на лавочке и стали придумывать, что им теперь делать. Вредек сказал:

— Чем оставаться на второй год, давай лучше сбежим в Америку, а, Дубинек? Мы же теперь знаем, где Мах держит волшебную трубку: мы её выкрадем и в мгновение ока окажемся в Нью-Йорке. Сначала будем чистить ботинки, а потом вложим деньги в добычу нефти и станем миллионерами.

Но Дубинек, который всё-таки был не таким эгоистом, как Вредек, засомневался:

— Ну уж нет, Вредек, я с тобой на это не пойду. Мах с Шебестовой собираются спасти какого-то профессора, а если мы им помешаем, его жизнь будет на нашей совести.

Вредек подумал и сказал:

— Ну ладно, трусишка, тогда давай отправимся на Северный полюс вместе с ними, оттуда до Америки рукой подать.

Дубинек аж глаза вытаращил. Как, интересно, Вредек собирается заставить Маха и Шебестову взять их с собой?

— Не беспокойся, я уже всё придумал, — заверил его Вредек.

И вот когда Мах вернулся из школы домой, его мама пани Махова сказала:

— Тебя ждут Дубинек с Вредеком, они в твоей комнате. Я хотела их прогнать, но они сказали, что у них для тебя важное сообщение от пана директора.

— Что за чушь?! — сказал Мах и бросился в свою комнату.

Но там никакого Дубинека да и Вредека не обнаружил. Пани Махова обшарила всю квартиру и сказала:

— Я что, совсем с ума сошла? Куда они могли подеваться?

После обеда, когда пани Махова отправилась в парикмахерскую, Мах позвонил Шебестовой и сказал, что пора начинать операцию по спасению профессора Леопольда Совы. Вскоре раздался звонок в дверь — это пришла Шебестова, да не одна, а с их любимым псом Йонатаном, которого она взяла поиграть у пани Босоножковой. На Шебестовой были мамина шуба и папина меховая ушанка, за собой она тащила санки, которые откопала в подвале.

— Заходи скорее, мне ужасно жарко, — поторапливал Мах, ведь на нём было четыре свитера. Он хотел надеть сразу шесть, но два как сквозь землю провалились.

— Шебестова, дружище, представляешь, какое дело, — рассказывал Мах, — кто-то как будто стащил у меня из шкафа два свитера и сунул вместо них новёхонькие варежки, вот смотри.

— Ну и ладно, — сказала Шебестова. — Возьмём их с собой про запас.

Ещё они набили рюкзаки всякой снедью и взяли топорик. Мах выудил из кладовки мохнатую шапку-ушанку, потом они договорились обо всём с волшебной телефонной трубкой и исчезли вместе с санками и Йонатаном в придачу.

Трубка перенесла их на Север, где кругом простирались только бескрайние снега и льды. Вокруг не было ни души,

не у кого даже дорогу спросить. Мороз такой крепкий, что ни вздохнуть, ни слова сказать. Но Шебестова всё-таки умудрилась выдавить:

— Смотри, Мах, вон там какой-то тюлень, может, он подскажет нам дорогу.

И попросила трубку превратить её в тюленя, чтобы спросить дорогу по-тюленьи.

Разузнав, как попасть на Северный полюс, она опять превратилась в Шебестову и пересказала всё Маху.

— Вперёд! — скомандовал Мах и попросил трубку превратить Йонатана в ездовых собак, чтобы поскорее добраться. И — раз! — Йонатан размножился: теперь стало шесть Йонатанов, запряжённых в санки. Мах с Шебестовой уложили на санки рюкзаки и сели сами. Тогда Йонатаны пустились галопом, и санки понеслись вперёд как молния.

Они катили то по снегу, то по льду, видели по дороге моржей, тюленей и белых медведей. Дети уже так заочечнели, что решили попросить у трубки немножко горячего чая. Но представьте себе: в трубке никто не отозвался, она вообще не реагировала на просьбы.

— Спорим, Шебестова, — сказал Мах, — трубка просто замёрзла, нужно её в тепло, вот только где его взять.

И тут Шебестова как завопит:

— Мах, кажется, мы приехали!

Они остановились, слезли с саней, и Мах сказал:

— Точно, Шебестова, мы на месте. Думаю, ты стоишь прямо на Северном полюсе.

Мороз там был ещё крепче, и Мах полез в рюкзак за запасными варежками. Но стоило ему до них дотронуться, как случилось что-то странное.

Перед ними вдруг, как из-под земли, выросли Дубинек с Вредеком. Оказывается, когда они откопали трубку у Маха в тумбочке, то так с ней и договорились: сначала трубка превратит их в варешки, а как только Мах достанет эти варешки на Северном полюсе, она вернёт им обратно человеческий облик.

— А вы что тут делаете? — воскликнул Мах.

— Тебе какое дело, дурила? — огрызнулся Вредек.

Но Дубинек, который был всё-таки повежливее, чем Вредек, рассказал, что они собираются бежать в Америку, где станут миллионерами, потому что будут вкладывать деньги в добычу нефти.

За эти несколько минут Дубинек с Вредеком успели до того продрогнуть, что аж посинели, ведь на них были только те свитера, которые они стащили у Маха из шкафа.

— Нужно хоть капельку согреться, — сказал Дубинек.
И они с Вредком принялись скакать туда-сюда.

— Ну мы и влипли, — сказала Шебестова. — А что, если они тут у нас замёрзнут?

Едва она произнесла эти слова, как под Дубинек с Вредком проломился лёд, что на Северном полюсе случается нечасто. Оба двоечника разом провалились под воду. А когда Мах с Шебестовой прибежали на помощь, Дубинек с Вредком уже вмёрзли в лёд, так что пришлось их вырубать топориком прямо с куском льда. Потом ещё пришлось грузить эту парочку в ледяной глыбе на санки, ведь не бросать же их здесь.

Пока грузили Дубинека с Вредеком, Мах рассказывал Шебестовой, что замёрзнуть на некоторое время — это не страшно, можно потом разморозиться и жить себе спокойно дальше. Нынешняя наука творит чудеса. Некоторые люди, что угодно бы отдали, лишь бы провести сто лет в ледяной глыбе, а потом посмотреть на мир будущего.

— Ой, Мах, смотри, там белые медведи! — завопила вдруг Шебестова.

И правда, к ним приближались пять белых косматых медведей, причём у одного из них на носу были очки, и он махал им лапой. Не успели они опомниться, как медведь закричал им:

— Ребята, что вы тут делаете?

У Маха с Шебестовой глаза на лоб полезли: как это медведь говорит по-человечески? Но оказалось, что это вовсе

не медведь, а профессор Леопольд Сова. Он рассказал им, что несколько месяцев назад отбился от экспедиции в снежном буране и с тех пор живёт в медвежьей семье. Он научился говорить по-медвежьи, охотиться на тюленей и изучает медвежьи повадки. Оказывается, у него уже скопилась целая кипа научных заметок, и, как только он вернётся в институт, напишет книгу о белых медведях, которая станет мировой сенсацией. Он представил своих медвежьих друзей Маху и Шебестовой: отца семейства с женой и двумя сыновьями. Медведям стало очень любопытно узнать, что дети проходят о них в школе. Профессор переводил их разговор с Махом и Шебестовой, пока пани Медведица не предложила пойти поболтать в тепле, чтобы дети не подхватили насморк.

Мах подозвал Йонатанов, и они все вместе направились к медвежьей берлоге, которая была устроена в ледяной

пещере. Санки с Дубинком и Вредеком туда не поместились, пришлось оставить их снаружи. Впрочем, им было всё равно, ведь они застыли в глыбе льда и смахивали на огромный торт-мороженое. У пана профессора в медвежьей берлоге был свой уголок: там висела фотография пани Сововой, и главное — стопками лежали бумаги с заметками. Профессор снял свою белую шубу и попросил Маха с Шебестовой, чтобы они захватили его по дороге домой.

— Только всё зависит от трубки, нужно, чтобы она разморозилась, — заметил Мах.

— Я думаю, она скоро заработает, — заверила Шебестова, поскольку в берлоге было очень тепло.

Тогда пан профессор начал прощаться с гостеприимным медвежьим семейством и паковать свои научные материалы. Он обещал медведям, что как можно скорее приедет снова.

Трубка перенесла их прямо к дому профессора Совы. И в саду разыгралась счастливая сцена: все ликовали, обнимали дядюшку и благодарили Маха с Шебестовой. Правда, большая глыба льда, в которой просматривались Дубинек с Вредеком, всех немного смущала. Никто не знал, что с ними делать.

В конце концов, позвали пани учительницу и родителей мальчиков. Все вместе они постановили, что Дубинек с Вредеком останутся в ледяной глыбе на все каникулы, чтобы больше не безобразничали, а там видно будет.

3

Как

Мах и Шебестова

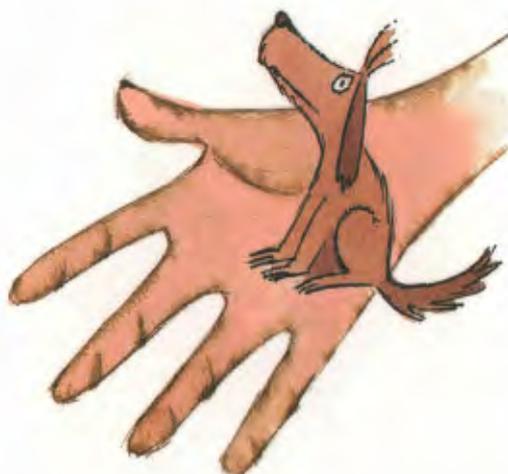
купались
в Амазонке

Как-то раз летом Мах с Шебестовой сунули в сумку ласты и пошли на речку купаться. Они зашли за Йонатаном, чтобы взять его с собой, но его хозяйка пани Босоножкова, которая как раз выходила из дома, сказала:

— Вот ещё! Йонатан плохо себя вёл и никуда не пойдёт, я заперла его на балконе, он там будет до вечера сидеть.

И пошла вниз по лестнице.

Но Мах прошептал несколько слов в волшебную телефонную трубку, вытянул вперёд руку, и вдруг у него на ладони оказался крошечный Йонатан, не больше двух сантиметров росту. Мах сунул его в сумку к ластам, и они пошли дальше. А пани Босоножкова, которая болтала у подъезда с пани Кашковой, даже не подозревала, кого дети несут в своей красной сумке.

Мах с Шебестовой задорно переглянулись и уже предвкушали, как весело будут играть на реке с Йонатаном. Домой им надо было вернуться в шесть, времени было навалом, поэтому они пошли через парк, чтобы заодно взглянуть на фонтан.

Вокруг фонтана ползала какая-то толстая дама.

— Ой, я её знаю, — сказал Мах. — Это же пани Хомячкова с улицы Стамбульской. У её мужа, пана Хомячка, есть свой грузовик, и он перевозит на нём всякие вещи на заказ.

Пани Хомячкова тоже узнала Маха и пожаловалась ему, что потеряла золотое колечко и что муж её будет страшно ругать. Она нашарила в синей сумке с покупками носовой платок и горько расплакалась. Тогда Мах вытащил волшебную трубку и попросил золотое колечко. Он постарался проделать это как можно незаметнее и даже повернулся спиной, но кое-что любопытная пани Хомячкова всё же разглядела.

«Надо же, у детей есть волшебная трубка! — подумала она. — Как раз то, что мне нужно!» И когда Мах протянул ей золотое колечко, она не захотела его брать — мол, её кольцо было с сердечком, муж сразу заметит подмену, — и опять в слёзы.

Тогда Шебестова отвела Маха в сторонку и сказала ему:
— Слушай, Мах, я читала, что в Перу есть тайная пещера, называется Эльдorado. Говорят, индейцы когда-то запрятали в ней кучу сокровищ, чтобы испанские завоеватели их не разграбили. Там пани Хомячкова наверняка найдёт себе подходящее колечко.

— Ладно, — сказал Мах, — давай туда стоняем.

Он договорился с трубкой. И не успели они глазом моргнуть, как все вместе, прямо с сумками, очутились в Южной Америке в той самой перуанской пещере.

Все так и застыли от изумления: огромная пещера была сверху донизу набита золотыми тарелками и мисками, блюдами и половниками, поварёшками и кувшинами, на самом

верху громоздились огромные золотые чаны, а внизу были навалены целые груды золотых колец.

Шебестова сразу откопала одно с сердечком, вот только пани Хомячкову кольца уже совсем не интересовали. Она вытрясла из своей синей сумки всё, что накупила к ужину, из красной вышвырнула ласты и набила обе сумки под завязку золотыми поварёшками и половниками.

Потом выхватила у Маха трубку и сказала, что хочет немедленно оказаться на Стамбульской улице, тут её и след простыл.

«На стамбульской так на стамбульской», — решила трубка, и пани Хомячкова очутилась на одной из улиц Стамбула, крупнейшего города Турции.

Она поставила обе сумки на землю, трубку сунула в синюю и огляделась по сторонам: куда это она попала? Но, пока она оглядывалась, сумки мгновенно испарились. Какой-то нахал подхватил их и уже скрывался за поворотом. Пани

Хомячкова завопила на всю улицу. За вором погнался полицейский, но она всё не умолкала.

Вокруг собралась толпа, нашёлся даже какой-то господин, который немножко говорил по-чешски.

Тогда пани Хомячкова выложила ему, что ещё две минуты назад была в Южной Америке и вообще не знает, где сейчас находится, что у неё украли двадцать золотых поварёшек и тридцать золотых половников.

— О господи, эта дамочка точно спятила! — решил прохожий и вызвал скорую помощь.

Не успела пани Хомячкова опомниться, как её привезли в сумасшедший дом.

А тем временем Мах с Шебестовой всё ещё сидели в перуанской пещере и ждали, что к ним вернётся пани Хомячкова. Так они сидели и скучали, пока наконец Шебестова не сказала:

— Ну всё, хватит, надоело, мы же хотели купаться, так пойдём купаться, и дело с концом.

А Мах ответил:

— Само собой, а то зачем мы лапты тащили?

Они выбрались из пещеры и пошли куда глаза глядят. Кругом были джунгли с обезьянами и попугаями, над крупными яркими цветками порхали крохотные колибри. Мах с Шебестовой всё шли и шли, и тут Мах говорит:

— Интересно, как мы окажемся к шести дома, если мы в Южной Америке, а трубка невесть где.

— А мне интересно, — сказала Шебестова, — как мы вернём Йонатана пани Босоножкой, если мы даже не знаем, где он, бедняжка.

Только она произнесла эти слова, как увидела за деревьями реку шириной километров пять, не меньше.

— Эй, Мах, смотри, это Амазонка! — воскликнула Шебестова. — Если бы пани Хомячкова осталась с нами, могла бы искупаться в самой большой реке на свете.

«Интересно, где вообще сейчас эта пани Хомячкова?» — задумался Мах.

А пани Хомячкова, бедная, лежала в сумасшедшем доме, за ней присматривал доктор Тюблик — невысокий господин с длинной бородой и усами. Заботился он о ней прямо-таки образцово: она получила халат, тапочки и даже переводчика.

— Послушайте, пани, — говорил переводчик, — доктор Тюблик вас спрашивает: как вы попали к нам в Турцию?

Пани Хомячкова начала рассказывать о волшебной телефонной трубке, но доктор Тюблик сразу её перебил:

— Погодите-погодите, если вы будете городить такую чепуху, вам в жизни отсюда не вырваться.

Но тут появился полицейский, который гонялся за воров, обокравшим пани Хомячкову. Полицейский принёс её сумки, которые негодяй так и бросил на бегу. Золото он, разумеется, выгреб, но, к счастью, в синей сумке осталась трубка, а в красной — крошечный Йонатан.

«Ну что ж, сейчас я покажу этому доктору, что за чепуху я горожу», — подумала пани Хомячкова. Она сказала в трубку несколько слов, и в тот же миг доктор Тюблик с пани Хомячковой очутились с обеими сумками в той самой золотой пещере.

Бедный доктор прямо остолбенел: столько золота он отродясь не видал. Так он стоял и таращил глаза, зато пани Хомячкова не сидела сложа руки. Она сказала в трубку, что ей немедленно нужен мужнин грузовик.

Когда грузовик оказался в пещере, пани Хомячкова швырнула трубку в красную сумку и принялась грузить в кузов золото: тарелки, миски, кувшины и блюда. Да ещё покрикивала на доктора, чтобы тот не стоял пень пнём, а лучше бы ей помог.

Они принялись грузить вместе и за этим занятием даже не заметили, как крохотный Йонатан в красной сумке пролаял что-то в трубку и как сумка вдруг испарилась.

Мах с Шебестовой, которые в это время спокойно купались в Амазонке, вдруг заметили, что на берегу появилась их красная сумка, и бросились вон из воды. Они спотыкались о ласты и падали, но, в конце концов, добрались до сумки, нашли в ней трубку и крохотного Йонатана.

Оказывается, этот умный пёсик умудрился пролаять в трубку, что хочет очутиться рядом с Махом и Шебестовой, а так как трубка понимает все языки, в том числе и звериный, она без вопросов исполнила желание Йонатана. Теперь Мах с помощью трубки увеличил Йонатана

до нормального размера, и тогда они все втроем принялись купаться и резвиться в Амазонке. Но всему приходит конец. Шебестова вдруг глянула на часы и вскрикнула:

— Ёлки-палки, Мах, без одной минуты шесть! Нам нужно немедленно домой.

Они бросились к волшебной трубке и успели вернуться домой минута в минуту. И Йонатан оказался на своём балконе очень вовремя: пани Босоножкова как раз вышла на балкон за луком.

— Вот видишь, — сказала она Йонатану. — Если бы ты не вёл себя так ужасно, я бы тебя отпустила после обеда купаться с Махом и Шебестовой.

Потом Мах сидел дома за ужином и уплетал бутерброд с маслом и ветчиной, и тут зазвонил телефон. Это была Шебестова.

— Караул, Мах! — кричала она. — Мы совсем забыли про пани Хомячкову! Неизвестно, где она вообще пропадает. Трубка у тебя, так позаботься о ней, будь добр!

— Слушай, Шебестова, — сказал на это Мах, — успокойся. Как только дождинаю, сразу же верну её домой, будь она хоть у чёрта на куличках.

Тем временем пани Хомяčkова и доктор Тюблик в перуанской пещере грузили и грузили золото, грузовик пана Хомячка был уже битком набит, пещера почти опустела, разве что на верхней полке, куда пани Хомяčkова не дотягивалась, остались ещё золотые чаны для стирки. «Я их так не оставлю, — решила пани Хомяčkова. — Попрошу доктора Тюблика встать мне на плечи и снять эти горшки. Он маленький, я его легко удержу». Но едва доктор Тюблик забрался на шею пани Хомяčkовой, они вдруг оба исчезли и в следующий миг появились уже на кухне у Хомячков. Там пан Хомячок как раз пил пиво и жарил себе на ужин яичницу.

У него сегодня был очень неудачный день: после обеда грузовик как сквозь землю провалился, потом ещё пани Хомяčkова куда-то запропастилась и не купила ничего к ужину. Теперь он стоял у плиты и думал: «Где, интересно,

носит эту женщину?» И вдруг — ба! — вот же она, стоит посреди кухни в чужом халате, чужих тапках и с чужим бородатым господином на плечах. Пан Хомячок сначала не мог понять, спит он или бодрствует, а потом как заорёт:

— Божена, что это значит? Что это за мужчина у тебя на шее? Вот я его сейчас порублю на котлеты и тебя заодно. Он обернулся, чтобы нашарить в буфете топорик для мяса. Доктор Тюблик, само собой, ждать не стал и бросился наутёк, а пан Хомячок за ним с топориком в руке. Только Мах с Шебестовой об этом даже не подозревали, они сидели себе спокойно дома, смотрели мультфильм перед сном и думали: «Здорово мы сегодня искупались!»

4

Как

Мах и Шебестова

состязались
с африканским
колдуном

Однажды осенью в гости к родителям Маха пришла тётя Маня и сразу принялась жаловаться на дядюшку Карела. Мол, он всё время только бранится, ему до смерти надоело сидеть на пенсии, с ним просто нет никакого сладу. Жаловалась, она жаловалась, пока папа, пан Мах, не сказал:

— Ну, ты же знаешь, дорогая, что Карел — бывший пилот, он двадцать лет летал из Европы в Африку и обратно, теперь ему, понятное дело, этого не хватает.

— Старость — это ужасно, — вздохнула мама, пани Махова. — Нас всех это ждёт, ничего не поделаешь. Карелу нужно просто выбросить из головы эти полёты...

Но тётя Маня не дала ей договорить:

— Ой, я тебя умоляю, что ты такое несёшь? Как он может выбросить полёты из головы, если он только о них и думает, они ему и ночью снятся. Он спускает все деньги на разные лотереи и уверяет, что если выиграет, то купит себе спортивный самолёт! Вот сумасбродный старик!

Потом по дороге из школы Мах пересказал этот разговор Шебестовой.

— Слушай, Мах, — сказала на это Шебестова. — Мне совсем не кажется, что этот твой дядя сумасбродный старик,

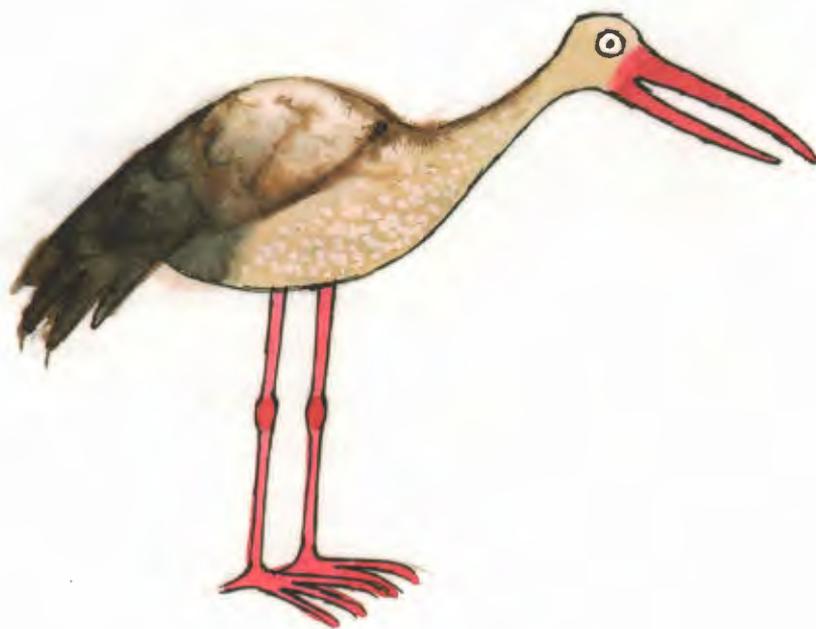
наоборот, это же так здорово, что ему всё ещё хочется летать. Может, мы как-нибудь ему поможем?

Мах был только за, и они напрямик отправились к дядюшке. Дядюшка им очень обрадовался и пустился в воспоминания о том, как он играл с Махом, когда тот был маленьким, и как учил его азбуке Морзе. Но Мах его перебил:

— Дядюшка Карел, вот тут у Шебестовой есть отличная идея. Раз тебе так не хватает полётов, мы превратим тебя в стрижа или аиста, и ты сможешь летать с утра до вечера. Что скажешь?

Мах объяснил, что для их волшебной телефонной трубки это сущие пустяки.

Дядюшка был просто на седьмом небе от счастья, он сказал, что, конечно, согласится на эту затею. Потом добавил, что сейчас как раз аисты улетают в тёплые края и он с радостью ещё раз слетает с ними в Африку. Тётя Маня не возражала, она только рада была, что на пару месяцев избавится от Карела.

— Лети-лети, — только и сказала она.

— В случае чего, — предупредил дядюшка, — вы сможете меня найти в Африке у озера Виктория: туда каждый год слетаются аисты со всей Европы.

После чего Мах с Шебестовой превратили его с помощью трубки в большого красивого аиста с красными ногами и длинным клювом, и он, довольный, улетел.

Но недели через две к Маху снова прибежала тётя Маня. Выяснилось, что лотерейный билет дяди Карела наконец-то оказался выигрышным. Тётя Маня думала-думала, что делать с такой кучей денег, но, в конце концов, всё же решила купить спортивный самолёт. И как раз вовремя — остался последний экземпляр. Но, увы, теперь самолёту придётся стоять в сарае и ждать, когда вернётся Карел. Мах с Шебестовой признали, что такому красивому новенькому самолётику не годится стоять без дела, и обещали тёте Мане, что завтра же после обеда отправятся за дядей. Сказано — сделано.

Когда они с помощью трубки перенеслись в Африку, на озере Виктория царил жуткий переполох: аистов там было с полмиллиона, не меньше, и все щёлкали клювами — шум невыносимый.

— Знаешь, Шебестова, — покачал головой Мах, — спорим, дядя Карел не стал бы жить в таком дурдоме. Он человек пожилой и любит покой, а здесь бы он точно свихнулся. Я уверен, он расположился где-нибудь в стороне от этой толкотни.

Шебестова согласилась с этим. Тут она как раз увидела чернокожего мальчика с мешком на плечах и попросила трубку научить её говорить на местном языке суахили, чтобы спросить у мальчика, нет ли тут где-нибудь поблизости озера поменьше и потише.

К счастью, мальчик попался очень любезный, звали его Тумбо. Тумбо сказал, что именно такое озерцо есть за его деревней и он охотно их проводит, вот только занесёт маме этот мешок с термитами для куриц. Дети пошли за Тумбо. Стояла дикая жара, но Маху с Шебестовой было всё нипочём. Они, открыв рты, глазели по сторонам. Ещё бы: ведь там прямо у дороги паслись антилопы и зебры, а чуть поодаль носились стада жирафов. Тумбо всё выпрашивал, откуда Мах с Шебестовой здесь взяли да почему они такие белые, и похвастался, что уже видел белых людей на картинке в школьном учебнике. Правда, Тумбо опасался, что Мах с Шебестовой в деревне вызовут страшный переполох: мол, старые бабки и малые дети точно поднимут визг.

— Лучше бы нам быть чёрными? — спросила Шебестова.

Тумбо подумал и сказал:
— Наверное, да.

Тогда Мах попросил трубку превратить их в двух чернокожих школьников. Трубка охотно выполнила их просьбу. Увидев это, Тумбо ужасно перепугался.

Когда они пришли в деревню, он бросился напрямик к колдуну и сказал ему, что мальчик и девочка, которых он привёл, тоже умеют колдовать, потому что могут быть то белыми, то чёрными!

Вот тут-то и начались для Маха с Шебестовой настоящие неприятности.

Колдун был с ног до головы исписан какими-то каракулями, он был высокий, толстый и очень напыщенный, потому что считал себя самым могущественным колдуном во всей Африке. Когда он услышал, что какие-то молокососы посягают на его славу, он страшно разозлился и велел привести их к нему. Он вышел из своей хижины, сел на скамью, вытащил из носа волшебную палочку и сказал:

— А теперь, сопляки, смотрите, что умею я.

Он принялся что-то бормотать, взмахнул палочкой, и тут ни с того ни с сего пошёл дождь, что было довольно приятно в такую жару. Но потом колдун снова взмахнул палочкой, и дождь кончился.

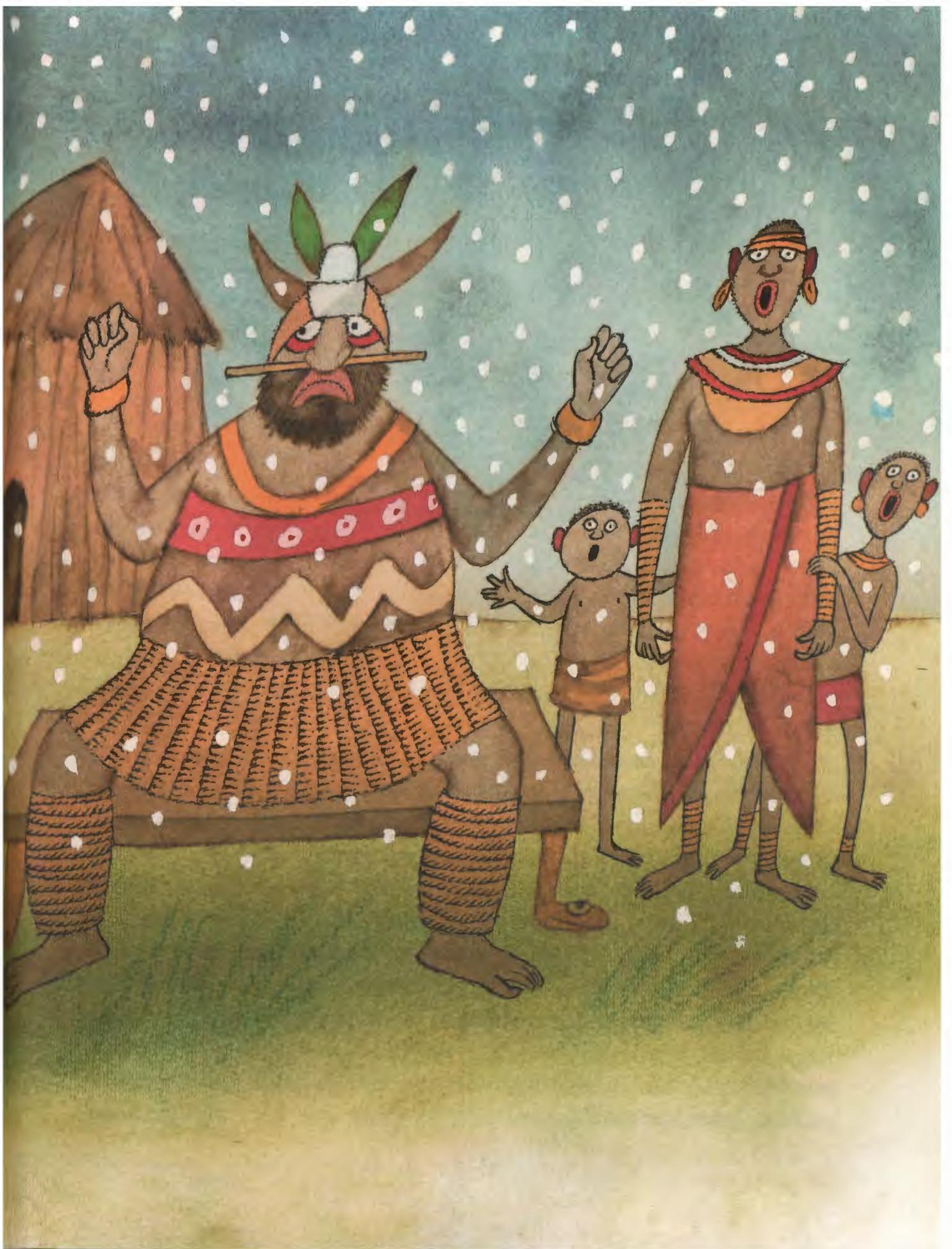
— Вот видите, — засмеялся толстый зазнайка, — теперь ваша очередь.

Шебестова пробормотала что-то в трубку, Мах взмахнул рукой, и тут пошёл снег.

Деревенские жители, которые собрались вокруг, завизжали от страха, ведь они никогда в жизни не видели снега.

Это было определённо один ноль в пользу чужаков. Колдун снова принялся яростно что-то бормотать, взмахнул палочкой и превратил курицу в козу. Тогда Шебестова прошептала что-то в трубку, Мах взмахнул рукой, и коза превратилась в белого медведя.

Люди уже орали как резаные, потому что даже знать не знали о таком звере. Тут уж колдун по-настоящему взбесился: он выхватил у девочки из руки трубку, промычал что-то в неё — и Мах с Шебестовой вдруг превратились в двух африканских буйволов. Тогда колдун выгнал их взащей из деревни прочь. Потом он выкинул свою палочку, сунул вместо неё себе в нос телефонную трубку и сказал Тумбо:

— Больше никого мне сюда не води, не то получишь на орехи.

Буйволы Мах с Шебестовой поплелись к тому небольшому озерцу за деревней, о котором говорил Тумбо. Они шли по дороге тяжёлым шагом, ведь каждый из них весил центнера три, не меньше. Теперь они не говорили, а мычали.

— Мах, ну мы и влипли! — печально мычала Шебестова. — Теперь нам точно крышка! Мы до самой смерти останемся в этой Африке. Надеюсь, ты понимаешь, что нас уже никто не сможет спасти, даже дядя Карел, он просто не поймёт нашего мычания.

— Успокойся, Шебестова! — мычал Мах в ответ. — Что ты паникуешь? Вот увидишь, всё как-нибудь образуется. Смотри, мы уже пришли.

И правда, перед ними лежало то самое озеро, а на берегу, подогнув ногу, стоял один-единственный аист. По всей видимости, это и был дядя Карел. Подойдя к нему поближе, Мах вдруг начал мычать так: два раза долго, один коротко, потом три раза коротко, один долго и так далее. Короче говоря, он мычал азбукой Морзе. А дядя Карел стал щёлкать клювом: четыре раза коротко, два долго. Так они стали переговариваться с помощью морзянки. Шебестовой, которая не знала азбуку Морзе, приходилось помалкивать, и её ужасно раздражало, что она не понимает, о чём речь. Мах рассказал дяде о спортивном самолёте и о том, как они с Шебестовой лишились трубки. На это дядя Карел прощёлкал клювом, чтобы

они никуда не уходили и что он сейчас вернётся, а потом поднялся в воздух и улетел. Шебестова сердито замычала:

— Что такое? Что происходит? Твой дядя полетел домой, а нас бросил тут или как?

— Шебестова, не волнуйся! — промычал Мах. — Просто подожди и сама всё увидишь.

И стал пастись, потому что уже здорово проголодался.

И вот, пока Мах щипал травку, дядя Карел полетел в деревню, опустился прямо перед хижиной колдуна и начал щёлкать клювом. Колдун увидел за дверью аиста и подумал: «Эта птица странно себя ведёт, как будто что-то хочет мне сказать». Колдун вышел на улицу, а аист подошёл к нему

поближе и защёлкал клювом прямо у него под носом два раза долго, один коротко. Колдуну даже в голову не пришло, что аист говорил с помощью азбуки Морзе в волшебную трубку, которая понимала все языки и азбуку Морзе, само собой, тоже. Трубка выслушала пожелание дяди Карела

и немедленно его исполнила: превратила колдуна в глиняную кружку с большой ручкой. Дядя выхватил клювом трубку, которая оказалась продета в ручку от кружки, и полетел с ней прочь. А деревенские жители, которые изумлённо наблюдали за этой сценой, завопили так истошно, как в жизни ещё не вопили.

А потом уже всё шло как по маслу и никаких неприятностей не приключалось. Разве что тётя Маня немного перепугалась, когда собирала сливы в саду, и тут вдруг перед ней выросли дядя Карел с Махом и Шебестовой, которых трубка перенесла сюда напрямиком из Африки. Дядя хотел поскорее увидеть свой новый самолёт. Тетя открыла сарай, и старик чуть с ума не сошёл от радости. Самолёт был маленький и серебристый. Дядюшка тут же стал всем предлагать прокатиться, но Мах с Шебестовой вежливо поблагодарили и сказали, что, пожалуй, в другой раз, ведь они спешили домой к ужину. По дороге домой они вспомнили про того напыщенного колдуна, который превратился в глиняную кружку, и попросили трубку, чтобы она вернула ему там в Африке человеческий облик. В трубке ответили:

— Пожалуйста, пожалуйста!

И даже похвалили их за то, что они не забыли про колдуна, хоть он и обошёлся с ними так некрасиво.

5

Как

Мах и Шебестова

искали
в Австралии
Йонатана

Однажды пани Босоножкова, хозяйка Йонатана, поехала на месяц в Австралию к сестре Божене. Йонатана она взяла с собой, и Мах с Шебестовой всё считали дни до возвращения пёсика. Никак не могли дождаться, ведь, знаете, месяц — это очень долго, особенно когда ждёшь лучшего друга. Но, в конце концов, месяц всё-таки прошёл, и Мах с Шебестовой поехали с паном Махом в аэропорт встречать пани Босоножкову. А теперь представьте себе их разочарование, когда пани Босоножкова вышла из самолёта в полном одиночестве. Когда Шебестова спросила, где же Йонатан, бедняжка расплакалась и сказала, что у неё больше нет

собаки, она никогда уже не увидит своего Йонатана, потому что его украли в далёкой Австралии.

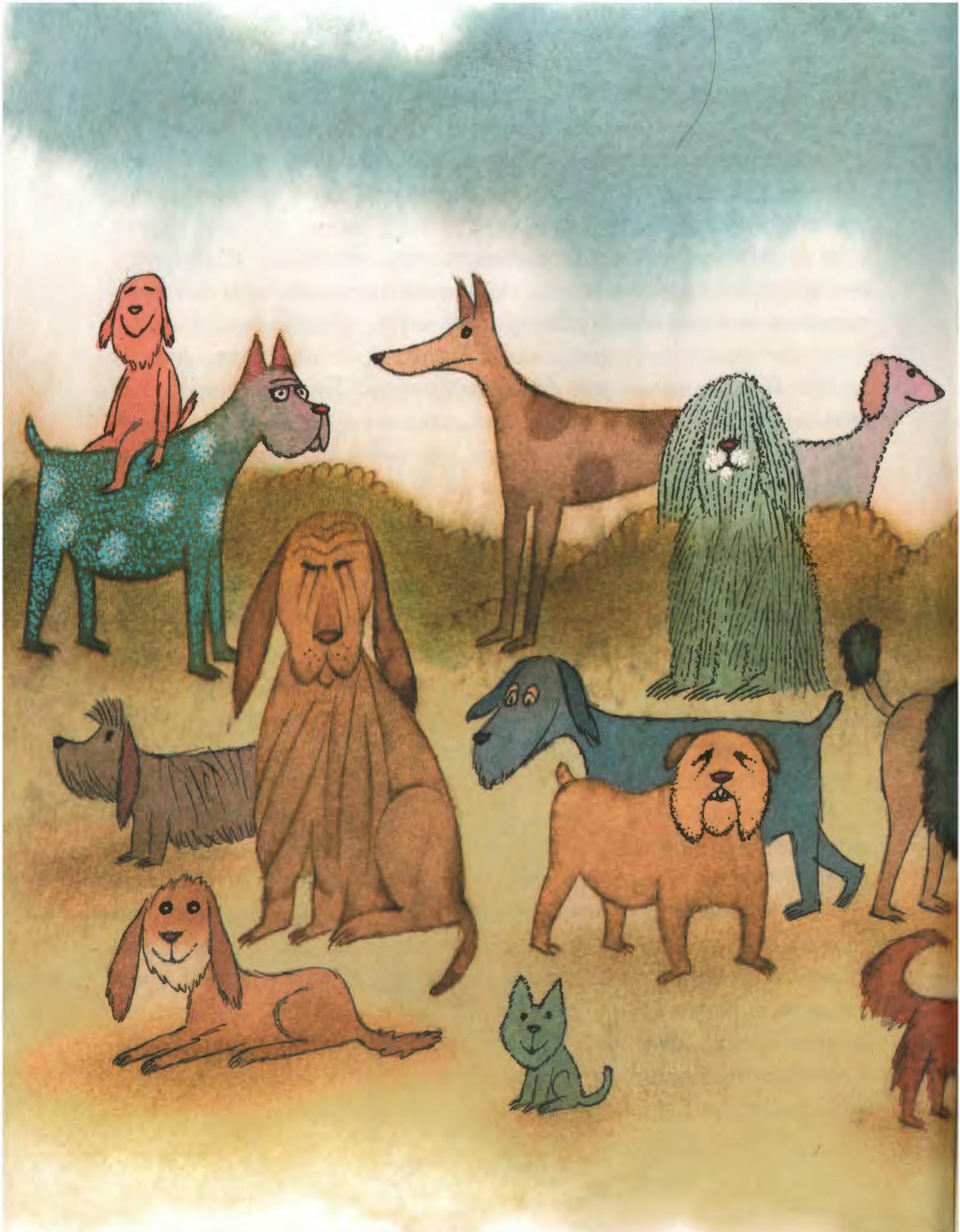
— Это же катастрофа! — воскликнула Шебестова. — Что же мы будем делать? Я и представить себе не могу, как жить без Йонатана!

Когда Мах с Шебестовой остались наедине, Шебестова стала страшно ругать пани Босоножкову за то, что та плохо следила за Йонатаном. Но Мах сказал:

— Да что толку её ругать? Это уже не поможет, нужно найти Йонатана во что бы то ни стало. Недаром же у нас есть трубка.

Дома они сказали, что хотят провести выходные у пани Босоножковой на даче, чтобы ей было не так грустно без Йонатана. Родители, само собой, отпустили их, и пан Мах отвёз их на дачу без лишних вопросов. Как только он уехал, Шебестова объявила пани Босоножковой, что они отправляются на поиски и найдут беднягу Йонатана, даже если им придётся прочесать всю Австралию. Начнут сегодня же: для начала отправятся к её сестре Божене. Вернуться они собирались в воскресенье, а пани Босоножкова пусть, главное, никому об этом ни слова. Потом они договорились с трубкой и испарились.

Перенеслись они прямо домой к Божене, которая оказалась очень милой дамой. Мах с Шебестовой передали ей приветы от пани Босоножковой, она поблагодарила и сказала, что Мария забыла у неё тапочки. Потом они говорили уже только о Йонатане. Божена сказала, что на днях прочитала в газете любопытную статью об одном австралийском миллионере с необычным хобби: он у себя на ферме коллекционирует собак, как почтовые марки. Он хочет собрать все существующие породы и соревнуется с каким-то американцем из Техаса, кто первый соберёт всю коллекцию.

Американец пока впереди: ему не хватает только двух самых редких экземпляров — боливийского лохмача и монгольской фырчалки, у которой самый острый нюх на свете. А мистру Марвеллу, австралийцу, кроме лохмача и фырчалки не хватает ещё английской борзой и немецкого дога. Тогда Мах сказал:

— Спорим, Шебестова, что вор, который украл нашего Йонатана, собирает собак для этого Марвелла.

— А спорим, Мах, что наш Йонатан сейчас на этой ферме, — подхватила Шебестова.

Дети переглянулись и решили отправиться на поиски немедленно.

Для начала они распрощались с сестрой Боженной, захватили тапочки для пани Босоножковой и попросили трубку превратить их в тех самых редчайших псов. И вот Мах превратился в крохотную монгольскую фырчалку, а Шебестова стала боливийским лохмачом: огромной псиной с большими ушами. Они принялись бегать по улицам и ждать появления собачьего вора. Наконец, возле них притормозила машина, из неё выскочили двое мужчин и сцапали их. Не успели дети опомниться, как оказались на заднем сиденье, где уже восседали английская борзая и немецкий дог — собаки, украденные для мистера Марвелла. Мах с Шебестовой вежливо поздоровались, разумеется, по-собачьи. Английская борзая даже не ответила, а дог проворчал:

— Только вас тут не хватало!

Потом они всё ехали и ехали, дальше и дальше, набившись, как сельди в бочке, на заднем сиденье. Вдоль дороги не было ничего, кроме полей, на которых паслись стада овец. А ещё время от времени на глаза им попадались кенгуру — их в Австралии пруд пруди. И вдруг Мах с Шебестовой слышат, как один вор другому говорит:

— Вот нам подфартило так подфартило, приятель: поймать кроме борзой и дога ещё таких редких собак. Надо прикинуть, кому их лучше продать: Марвеллу или американцу. Американец, говорят, платит больше.

— Раз платит больше, — отвечает ему второй вор, — давай повезём их в Америку, чего церемониться! Сначала продадим борзую и дога Марвеллу, а потом с лохмачом и фырчалкой отправимся в аэропорт и прямиком в Техас!

У Маха с Шебестовой ёкнуло сердце, они подумали: «И что теперь? Неужели мы полетим в Америку и оставим Йонатана одного здесь, в Австралии?!» — и стали ждать подходящего случая, чтобы сбежать. И вот, когда воры заехали на заправку, набрали полный бак бензина, заперли машину и пошли выпить кофе, Мах сказал:

— Шебестова, наш час пробил.

Мах вцепился зубами в ручку оконного стекла и стал крутить. Когда стекло опустилось, Шебестова спросила у остальных собак, не хотят ли они сбежать с ними. Но английская борзая сделала вид, что не слышит, а немецкий дог сказал:

— Скатертью дорожка!

Так что Мах с Шебестовой выскочили из машины одни и понеслись прочь. У Шебестовой эта гонка выходила на ура, ведь лохмач — большая собака с длинными ногами. А вот с Махом, который был маленьким коротконогим пёсиком, дела обстояли куда уже. Тогда Шебестова твякнула три раза — это был знак для трубки, которая тут же превратила лохмача обратно в Шебестову.

— Слушай, Мах, — сказала она, — так не пойдёт: ты всё время отстаёшь, мы этак и за неделю на ферму не добежим.

Она попросила трубку превратить её в кенгуру, и тогда маленькая фырчалка влезла к ней в карман, который у всех

кенгуру на животе. Шебестова-кенгуру скакала длинными прыжками так стремительно, что ни одной собаке в мире за ней не угнаться.

Пока Шебестова прыгала, Мах сидел в кармане и глазел по сторонам. Он видел смешных коал на ветвях эвкалипта, видел диких кроликов, но вдруг задрал нос, принюхался и начал весело лаять:

— Шебестова, я чую Йонатана! Ещё каких-нибудь километров пять, и мы у цели!

Шебестова, у которой уже ноги отваливались от этих прыжков, подумала: «Ну, слава богу!»

Но тут случилось нечто ужасное, чего никто не мог предвидеть: Шебестовой кто-то двинул дубиной по голове, она упала навзничь и не двигалась. Мах ужасно испугался. «Ну всё, каюк Шебестовой», — подумал он.

А дубина эта оказалось вовсе не дубиной, а бумерангом — охотничьим инструментом австралийских аборигенов.

Тут как раз двое аборигенов подбежали к Шебестовой.

— Ура, мы поймали кенгуру! Вот так ужин у нас будет! — радовались они.

Один схватил Шебестову за задние лапы, другой — за передние и потащили её в деревню. Монгольскую фырчалку они даже не заметили, потому что Мах забился поглубже в кармашек.

Зубы у него стучали от страха, а в голове засела всего одна мысль: «Господи боже, что же с нами будет?»

Вся деревня, куда аборигены притащили Шебестову, уже предвкушала роскошный ужин.

Вождь заявил, что ему хочется жареного кенгуриного мозга, а колдуну, который дымил трубкой, хотелось копчёных кенгуриных лапок. Повар сказал:

— Как вам будет угодно!

И принялся точить огромный нож для разделки мяса.

Но тут из кенгуриного кармана вылез маленький пёсик. Он три раза тявкнул, и трубка по этому сигналу превратила его обратно в Маха.

— Я вам покажу жареный мозг, я вам дам копчёные лапки! — закричал Мах. — Если вы думаете, что можете слопать Шебестову на ужин, то глубоко ошибаетесь.

Он вытащил из кармана волшебную трубку и превратил кенгуру в Шебестову.

Начался страшный переполох. Вождь от страха хлопнулся в обморок, колдун проглотил свою трубку, а остальные бросились врассыпную, как воробьи. А Шебестова, хоть у неё всё ещё гудела голова после ушиба, мило улыбнулась и сказала:

— Спасибо, Мах, я у тебя в долгу.

А потом с помощью трубки она превратилась обратно в боливийского лохмача, а Мах — в монгольскую фырчалку, и они бросились прочь.

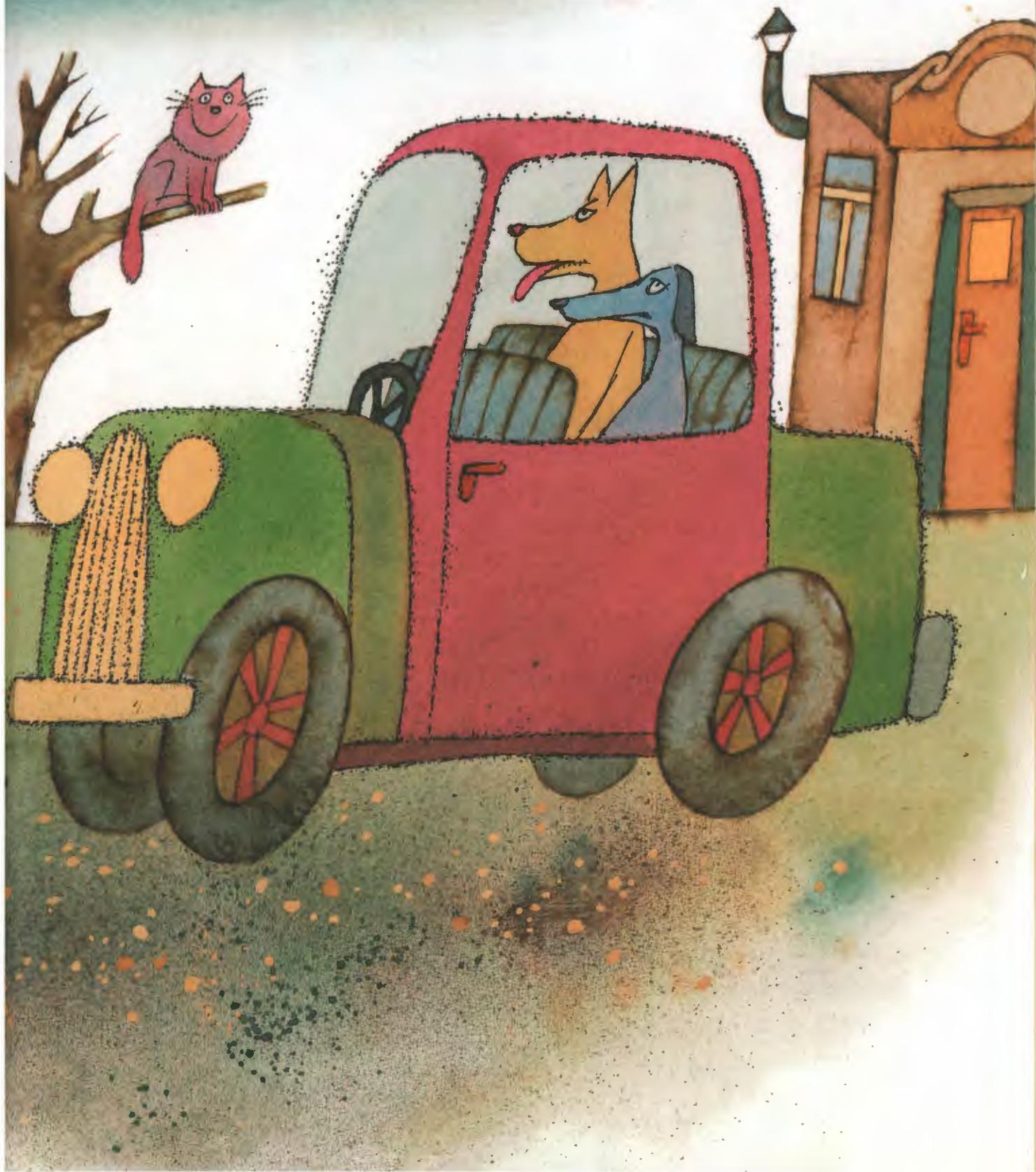
До Йонатана оставалось всего ничего, поэтому они решили бежать прямо по шоссе. Вот уже вдалеке показалась ферма мистера Марвелла. Но тут снова произошло кое-что непредвиденное.

Перед ними резко затормозила какая-то машина, из неё выскочили двое мужчин и сцапали Маха с Шебестовой как миленьких. Не успели дети опомниться, как снова оказались на заднем сиденье, где уже сидели английская борзая и немецкий дог.

— Надо же, какая встреча, — сказал дог, — не очень-то вы далеко убежали.

— Да, дружище Шебестова, не везёт так не везёт! — прошептал Мах.

К счастью, вора́м уже расхотелось тащиться с космачом и фырчалкой в какой-то там аэропорт у чёрта на куличках, так что они продали всех четырёх собак разом. Правда, с оплатой пришлось подождать, потому что мистер Марвелл как раз отлучился в город. Маха и Шебестову сунули каждого в отдельную клетку. Там таких клеток была целая куча, и в одной из них сидел печальный Йонатан. Мах с Шебестовой ему залаяли:

— Эй, Йонатан, это мы, твои друзья!

Но Йонатан не поверил и даже не стал вилять хвостом.

Тогда Мах с Шебестовой твякнули три раза и тут же превратились в детей. Йонатан чуть с ума не сошёл от радости. Но тут вернулся мистер Марвелл и стал кричать на воров: мол, совсем с ума посходили, раз уже не только собак крадут, но и школьников. Не будет он им ничего платить, а лучше вызовет полицию.

Он бросился к телефону, а когда вернулся, не обнаружил уже ни Маха, ни Шебестовой, ни даже Йонатана.

А тем временем где-то очень далеко от фермы мистера Марвелла да и вообще далеко от всей Австралии пан Мах с пани Маховой ехали на дачу пани Босоножковой забирать детей после выходных. Ещё издали они услышали смех

и собачий лай. А когда подъехали ближе, глазам своим не поверили: Мах и Шебестова играют с Йонатаном! А с ними за компанию и счастливая пани Босоножкова в любимых тапочках.

— Как это может быть? — удивился пан Мах. — Откуда взялся этот зверь?

Пани Босоножкова не знала, как им всё объяснить, и не хотела выдавать Маха с Шебестовой. Поэтому соврала, будто Йонатан обжегал ползющего шара, чтобы вернуться к ней.

Пани Махова была очень растрогана, она вытерла слёзы платочком и сказала:

— Это просто невероятно, на что способен пёс ради близкого человека! А вы, дети, берите с него пример! — добавила она, обернувшись к Маху с Шебестовой.

6

Как
Мах и Шебестова

ездили
с Ионатаном
в Голливуд

Однажды Мах с Шебестовой проводили выходные на даче у пани Босоножкой. Там можно было все дни напролёт плескаться с Йонатаном в бассейне. А пани Босоножка как раз позвала пана Бадуру, чтобы тот приделал на крыше телеантенну.

Пан Бадура долго возился наверху и потом крикнул оттуда:

— Послушайте, пани Босоножка, ваша крыша в ужасном состоянии, надо бы её починить.

Но пани Босоножка только рукой махнула:

— Да знаю, знаю, пан Бадура, это для меня не новости. Но где ж деньги-то взять? Представляете, сколько новая крыша стоит?

А потом на обед все ели жареную картошку с индейкой, которую пани Босоножка запекла специально для пана Бадуры. Мах с Шебестовой хотели угостить этим лакомством Йонатана, но пани Босоножка запретила: жалко, мол, такую еду для пса, хватит с него и костей. Тогда Йонатан с обиженным видом удалился и пошёл купаться в бассейне.

А пан Бадура за обедом вдруг говорит:

— Знаете, пани Босоножка, если бы этот ваш Йонатан умел говорить, он бы мог заработать вам на новую крышу. Представьте себе, я видел объявление, что какая-то голливудская кинокомпания готова заплатить кучу денег за собаку, которая говорит по-английски и сможет сыграть в кино.

Пани Босоножка очень удивилась, что это за ерунда такая. Но пан Бадура рассказал, что в Голливуде собираются снять фильм, который должен стать настоящей сенсацией, какой ещё свет не видывал. Там будет некий пёс Арнольд, который влюбляется в собаку по имени Джулия.

Арнольд играет на гитаре и поёт Джулии серенады так долго, что она тоже в него влюбляется. Они уже собираются пожениться, как вдруг Джулию похищают гангстеры. Они увозят её куда-то в горы, где на высокой скале у них

есть тайное укрытие. Но пёс Арнольд их выслеживает, подстреливает нескольких гангстеров, а потом они с Джулией улетают на вертолёте.

— Опять чушь полная, — сказала пани Босоножкова. — Подумать только, какие фильмы снимают в этой Америке.

И пошла на кухню за сладким. А Мах с Шебестовой переглянулись и, когда они остались одни, Мах сказал:

— Дружище Шебестова, у меня есть классная идея!

А Шебестова на это:

— Мах, ты не поверишь, у меня тоже.

Они обсудили, что с помощью трубки Йонатан, пожалуй, мог бы справиться с такой ролью, по крайней мере, попробовать точно стоит. Решено: сегодня же вечером они с Йонатаном отправятся в Голливуд.

Потом они завели с трубкой долгий разговор. Они предупредили, что на этот раз у них очень сложное пожелание, и объяснили, что им нужно: Йонатан должен уметь говорить, причём не только по-чешски, но и по-английски. А ещё он должен играть на гитаре, петь, стрелять из пистолета и даже управлять вертолётom. Но из трубки ответили просто:

— Почему бы и нет?

И обещали устроить всё, как полагается.

И правда, в тот же миг Йонатан научился говорить по-чешски и по-английски, он даже петь попробовал, и вышло вполне неплохо.

Но, когда Шебестова объяснила ему, в чём дело, он сделал кислую мину и сказал, что какие-то съёмки в Голливуде его совсем не привлекают, ему хочется все выходные плескаться в бассейне.

Мах с Шебестовой полчаса его уговаривали, и, в конце концов, он всё-таки согласился, но только при условии, что за это ему дадут жареную картошку с запечённой индейкой, и не какие-нибудь там кости, а целую индейку для него одного. Мах с Шебестовой поклялись, что так и сделают. Потом подождали, пока пани Босоножкова досмотрит

сериал по телевизору и уснёт, сняли со стены гитару, которая там висела для красоты, и исчезли.

Когда они оказались в Голливуде, там было утро и, как обычно, светило солнце. Мах с Шебестовой огляделись по сторонам, город им очень понравился, но, к кому им обратиться, они так и не поняли. «Наверное, кто-нибудь сам нас заметит», — решили они и устроились на тротуаре. Йонатан встал на задние лапы, принялся играть на гитаре и петь по-английски. Вскоре вокруг собралась толпа. Люди кричали:

— Невероятно! Собака сама поёт!

И бросали Йонатану деньги. Вдруг подъехала машина, из неё вышел маленький плешивый человечек, сказал, что его зовут Билл Барнс и что он будет их агентом. Он велел Шебестовой собрать все деньги, что валялись на тротуаре, и посадил всех троих в машину.

Не успели они опомниться, как уже стояли перед теми самыми киношниками, которые собирались снимать фильм о собачьей любви. Один из них был очень толстый — это был продюсер, другой худой — это был режиссёр. Барнс сказал им:

— Итак, господа, вот пёс, которого вы искали. Он умеет говорить, петь — словом, всё, что пожелаете. Если вас устраивают финансовые условия, он будет полностью в вашем распоряжении.

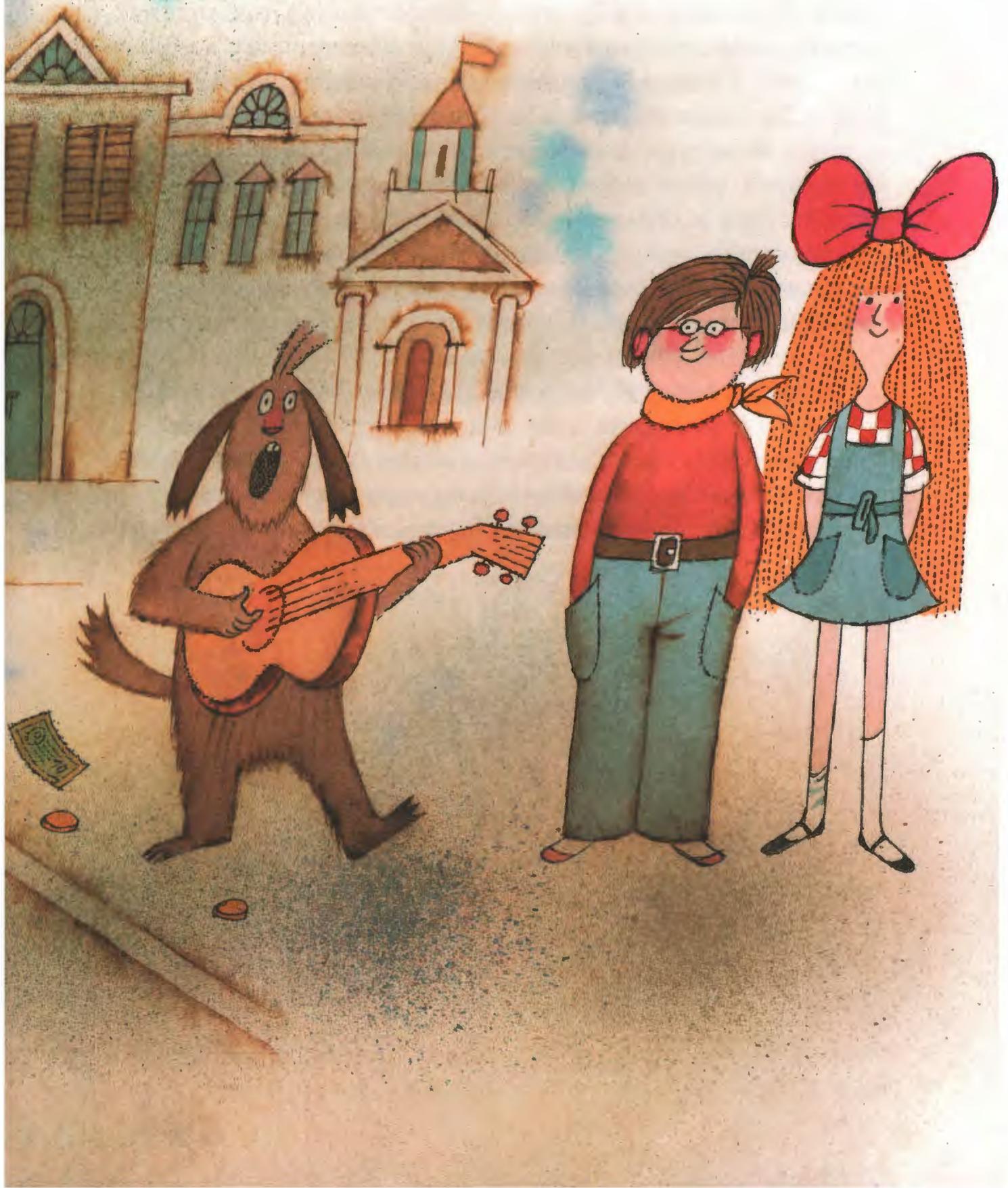
Продюсер с режиссёром потёрли руки и сказали:

— Отлично, тогда начнём!

И тут же позвонили хозяевам той собаки, которая должна была играть Джулию. Но тут встрял Йонатан:

— Минуточку, уважаемые. Пока я не получу свою жареную картошку с запечённой индейкой, я играть ничего не буду.

Маху с Шебестовой пришлось объяснить всем, какую награду они пообещали Йонатану. К счастью, толстый продюсер только рассмеялся и сказал, что для него это пара пустяков. Он послал в ближайший ресторан за индейкой с картошкой. Мах с Шебестовой пожелали Йонатану приятного аппетита, и пёс с восторгом набросился на долгожданное лакомство. Он уминал белое мясо, аж за ушами трещало, фыркал от удовольствия и облизывался. Слопав всё до последней крошки, он заявил, что это были лучшие минуты его жизни, что он с самого рождения мечтал о том, чтобы хоть раз съесть индейку всю целиком.

На что Мах сказал:

— Цени момент, друг, вряд ли такое ещё повторится.

Между тем кругом уже поднялся страшный переполох: разыскивали актёров, которые должны были играть гангстеров, разыскивали вертолёт, в павильоне строили искусственную скалу, по которой должен был карабкаться пёс Арнольд,

чтобы освободить Джулию из плена. К Йонатану приставили двух инструкторов, чтобы научить его стрелять из пистолета и управлять вертолётom. Йонатан справился на «отлично». Сам режиссёр, который при этом присутствовал, похвалил пса и сказал, что у него исключительный талант, что фильм будет настоящим хитом и все получают «Оскара». Потом он хлопнул в ладони и сказал:

— Внимание, начали!

К искусственной скале подвезли камеру и осветительные приборы. Йонатану велели вскарабкаться вверх сначала просто так, на пробу. У него получилось великолепно, оператор остался доволен, и режиссёр сказал:

— Начинаем съёмку, пожалуйста, тишина на площадке. Камера! Мотор!

Но тут всё пошло наперекосяк. Дело в том, что в этот самый момент перед киностудией остановилась машина, откуда вышла дама, обвешанная разными побрякушками.

За ней выпрыгнула пуделиха с огромным бантом на хвосте, а замыкали шествие два частных детектива, которые не спускали глаз с пуделихи.

Оказалось, что это и есть та собачка, которая должна играть Джулию. В жизни её звали Элеонорой, шерстка у неё была в завитушках, коготки покрыты лаком, от неё метров за десять несло какими-то сладкими духами, и она противно задавалась.

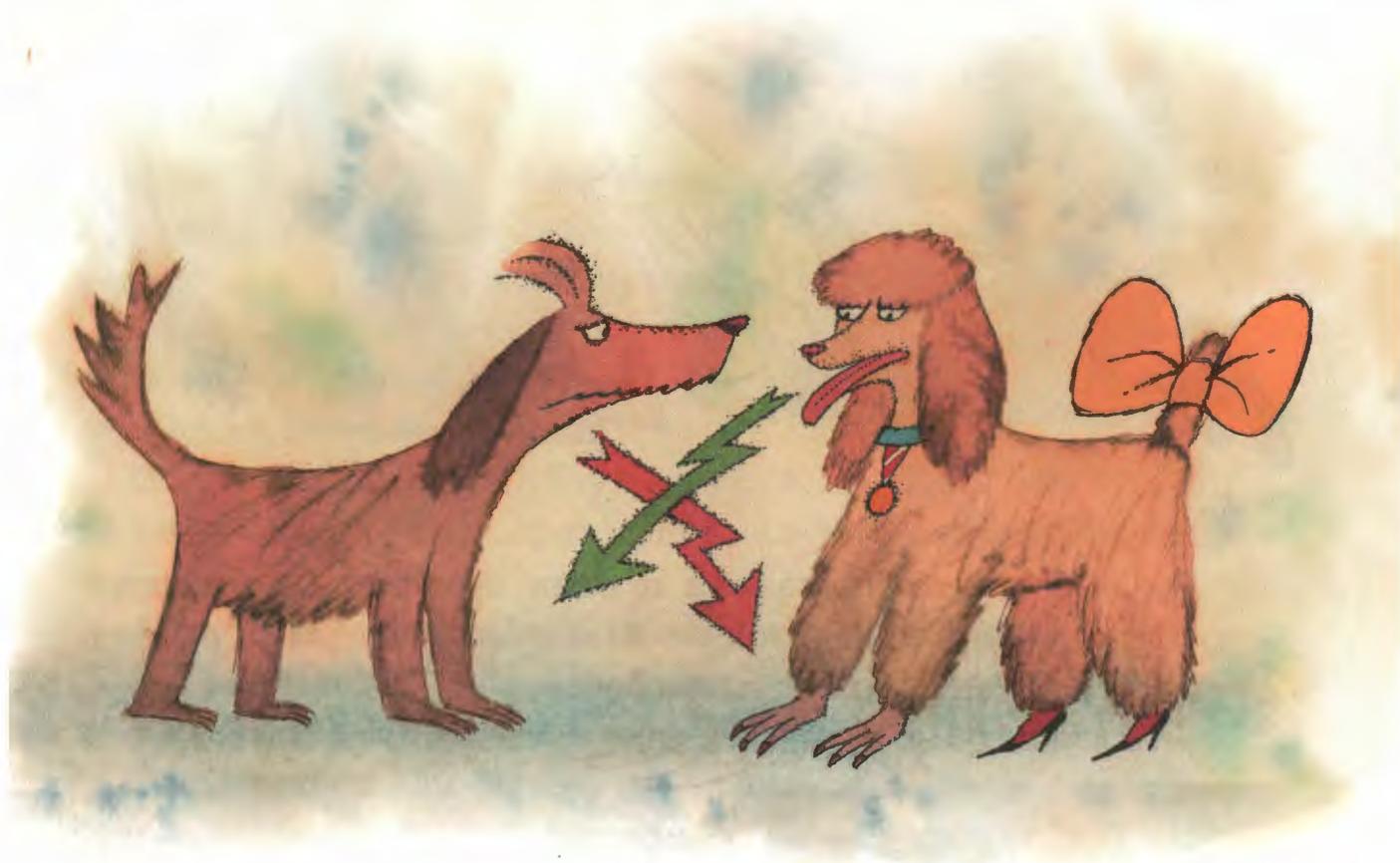
Режиссёр представил ей Йонатана, но Элеонора даже лапки ему не подала, а только сказала:

— Фу, этот пёс воняет, — и зажала нос платочком.

Само собой, эта была полная чушь: Йонатан не мог во-
нять, ведь он весь день купался в бассейне. Он, естественно,
обиделся, отвёл Маха с Шебестовой в сторонку и сказал,
что с этой надутой куклой ни в каком фильме сниматься
не собирается и вообще хочет домой. Режиссёр случайно
это услышал и стал рвать на себе волосы и заламывать
руки.

Он помчался за мистером Барнсом и толстым продюсе-
ром, и они все втроём стали умолять Йонатана, чтобы тот
ради бога одумался и не губил фильм, который станет ми-
ровой сенсацией.

Толстый продюсер даже встал перед Йонатаном на колени и сказал, что готов исполнить любое его желание. Тогда Йонатан подумал и сказал:

— Ну ладно уж, так и быть, снимусь я с этим надушенным чучелом, но сначала хочу съесть ещё одну индейку с картошкой.

Все трое тут же вскочили и сами бросились в ресторан за следующей порцией. Мах с Шебестовой остались с Йонатаном, вид у них был весьма озабоченный.

— Господи, Йонатан, тебе плохо станет. Так объедаться вредно для здоровья, — сказали они.

Но Йонатан только махнул лапой:

— Вредно, невредно, а шанс съесть двух индеек кряду выпадает только раз в жизни.

Когда ему принесли вторую индейку, он жадно набросился на неё и принялся уплетать за обе щеки, причмокивая и охая. А режиссёр стоял над ним и поторапливал:

— Йонатан, ешь быстрее, скоро вечер, надо успеть хоть что-то снять.

Когда Йонатан в изнеможении отвалился от тарелки, режиссёр снова повёл его к скале. Но Йонатан еле-еле прополз один метр и плюхнулся вниз, как мешок с картошкой. Лёжа ничком, он пыхтел, как паровоз, и заявил, что ему нужно часок вздремнуть. Закрыв глаза и давай храпеть. Бедный режиссёр понял, что ничего с Йонатаном не поделаешь, поэтому накрыл его своим пальто и сказал:

— Дамы и господа, я объявляю перерыв. Продолжим через час.

Но дело уже и правда шло к вечеру, Мах посмотрел на часы и сказал:

— Шебестова, нам пора потихоньку возвращаться. В Чехии вот-вот наступит утро, пани Босоножкова проснётся, увидит, что нас нет, и начнутся неприятности.

— Тогда давай тут закругляться, что поделаешь, — сказала на это Шебестова. — Хорошо, хоть Йонатан неплохо заработал пением на улице.

И дети попросили трубку вернуть их обратно. Так что, когда режиссёр через час приподнял пальто, никакого Йонатана под ним уже не было.

А на даче у пани Босоножковой стояло чудесное воскресное утро. Пани Босоножкова как раз проснулась и обнаружила на ночном столике кучу денег.

У кровати стояли Мах с Шебестовой и Йонатан с надутым брюхом.

— Что всё это значит? Откуда здесь взялись деньги? — удивлялась пани Босоножка.

Но Мах с Шебестовой только улыбались и пожимали плечами. Йонатан хотел ответить и объяснить пани Босоножкой, что это деньги на новую крышу, но обнаружил, бедолага, что опять разучился говорить.

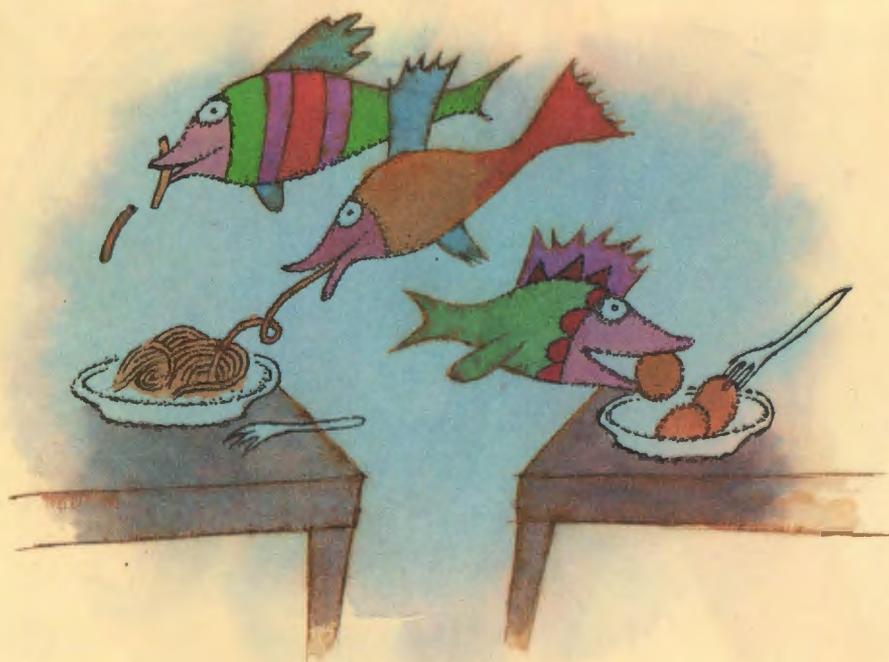

7

Как

Мах и Шебестова

нырjali
у Гавайских
островов

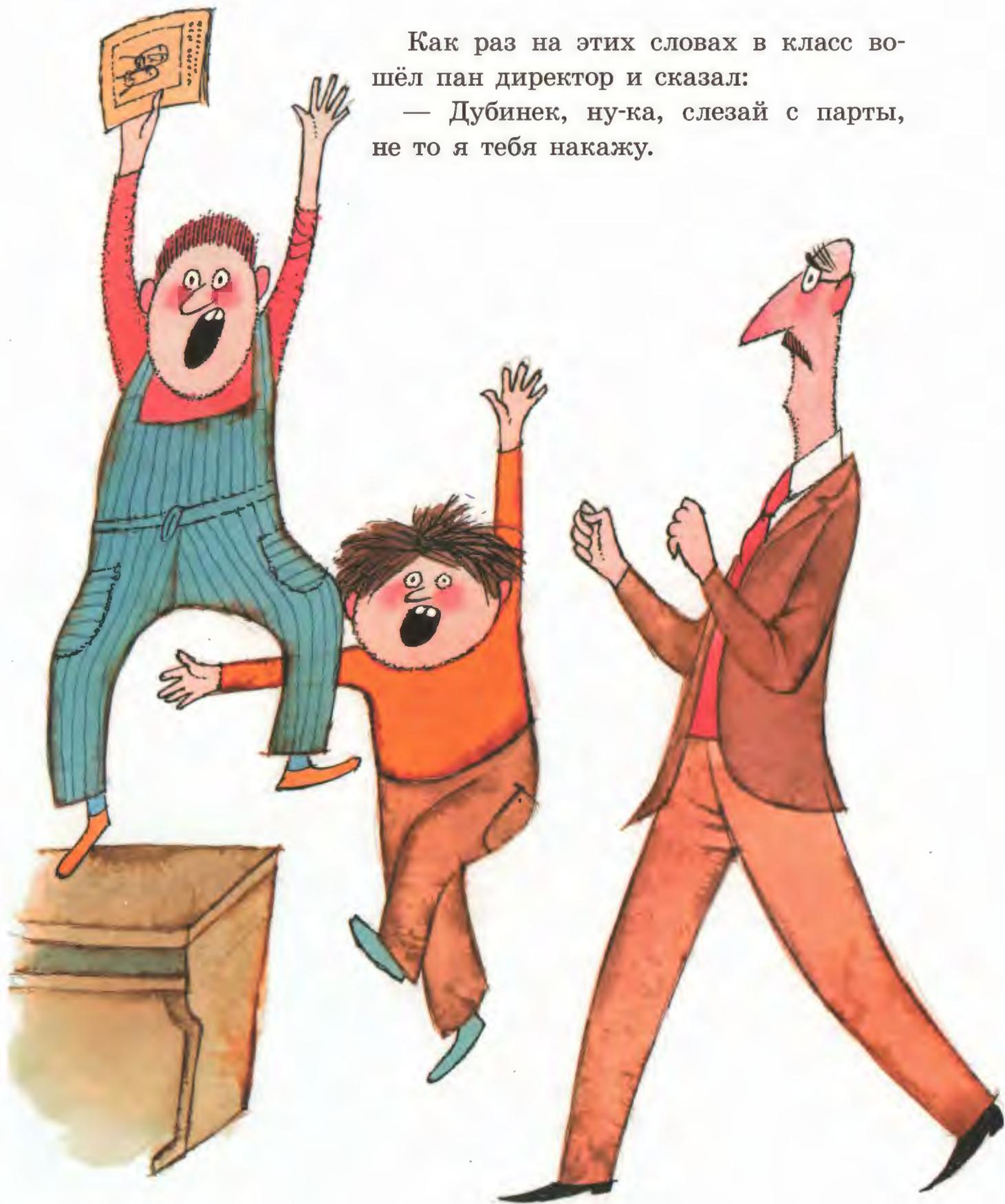

Как-то раз незадолго до зимних каникул Мах с Шебестовой чуть не опоздали на урок: только они сели за парту, как прозвенел звонок. Но пани учительницы всё не было. Дубинек с Вредеком, само собой, носились по классу и вопили, как павианы. Чермаковой даже пришлось сделать им замечание: мол, пусть лучше повторяют уроки по математике и письму, раз им грозит столько двоек в первом полугодии. Но Дубинек показал ей язык и попросил не лезть не в своё дело. Плевать ему на таблицу умножения, зато он знает наизусть все песни группы «Бешеные крокодилы», которых даже пани учительница не знает. Он забрался на парту, стал размахивать песенником и распевать:

*У нас тётки больше нет —
Променяли на омлет.
Наша тётушка Мила
Для еды не подходила.*

Как раз на этих словах в класс вошёл пан директор и сказал:
— Дубинек, ну-ка, слезай с парты, не то я тебя накажу.

Потом директор объяснил детям, что пани учительницу ночью положили в больницу, потому что у неё случился нервный срыв, так что директор будет несколько дней её заменять.

— Почему у пани учительницы случился нервный срыв? — спросил Кропачек.

— Дети, произошла ужасная трагедия, — сказал на это директор. — У вашей учительницы вчера утонул брат, инженер Орешек, он работал изобретателем в Америке. Корабль, на котором он вёз в Австралию чемодан со своим новым изобретением, потерпел крушение. — Я был знаком с ним лично, — продолжал директор. — Он был необычным человеком и всегда носил с собой чемодан, разрисованный кроликами. Беда случилась у Гавайских островов...

Сова тут же подняла руку и сказала, что это острова в Тихом океане, лежащие в области, которая называется Полинезия.

— Правильно, — сказал пан директор и рассказал, что в чемодане пана Орешка лежало чрезвычайно ценное

изобретение, которое могло бы совершить переворот в системе школьного образования. Пани учительница как раз недавно рассказывала об этом в учительской. Это такое устройство с семью проводками. Достаточно просто надеть его на голову, как шапку, воткнуть провода в учебники по математике, чешскому языку, ботанике, истории, географии, физике и химии, нажать кнопочку — бззз, — и знания сами собой попадут прямо в голову ученикам, даже таким олухам, как, скажем, наши Дубинек с Вредеком.

По дороге домой Мах с Шебестовой обсуждали бедного утонувшего изобретателя и его изобретение.

— Дружище Шебестова, — сказал Мах. — Инженера Орешка, конечно, уже не спасти, но жаль, что зря пропадает его открытие, правда? Как глупо, что такое ценное устройство просто валяется на дне Тихого океана, вместо того чтобы люди им пользовались.

— Ага! Только представь себе, — сказала Шебестова, — детям бы тогда вообще не пришлось ходить в школу каждый день. Приходишь один раз в жизни, аппарат делает бззз, и ты уже всё знаешь, спокойно отправляешься домой — и с этой минуты у тебя каникулы.

— Дружище Шебестова, — хлопнул Мах себя по лбу. — У меня классная идея: давай попросим трубку слетать с нами в эту Полинезию. Мы найдём чемодан с затонувшего корабля и принесём пану директору. Что скажешь?

— Мах, это и вправду отличная идея! — сказала Шебестова. — Прямо после обеда и отправимся. Если у нас всё получится, после зимних каникул в школу возвращаться

уже не придётся. Тогда мы сможем играть с Йонатаном круглый год: с первого января по тридцать первое декабря.

После обеда они дождались, когда родители Шебестовой уйдут, а сами стали собираться в путь: переоделись в купальник и плавки и взяли из мастерской пана Шебесты две коробки гвоздей в качестве груза для погружения на глубину. Гвозди они положили к себе в сумки, а ещё нацепили маски для подводного плавания. Когда всё было готово, волшебная трубка перенесла их на Гавайские острова, прямо к месту трагедии.

Там стояла страшная жара, и кругом было полно журналистов с камерами. Мах вытащил телефонную трубку, которая у него лежала в сумке вместе с гвоздями, и попросил, чтобы они могли продержаться под водой хотя бы часок.

В трубке ответили: «Да без вопросов!» — после чего дети нырнули и поплыли к затонувшему кораблю. Океан изнутри был похож на огромный аквариум. Они проплывали

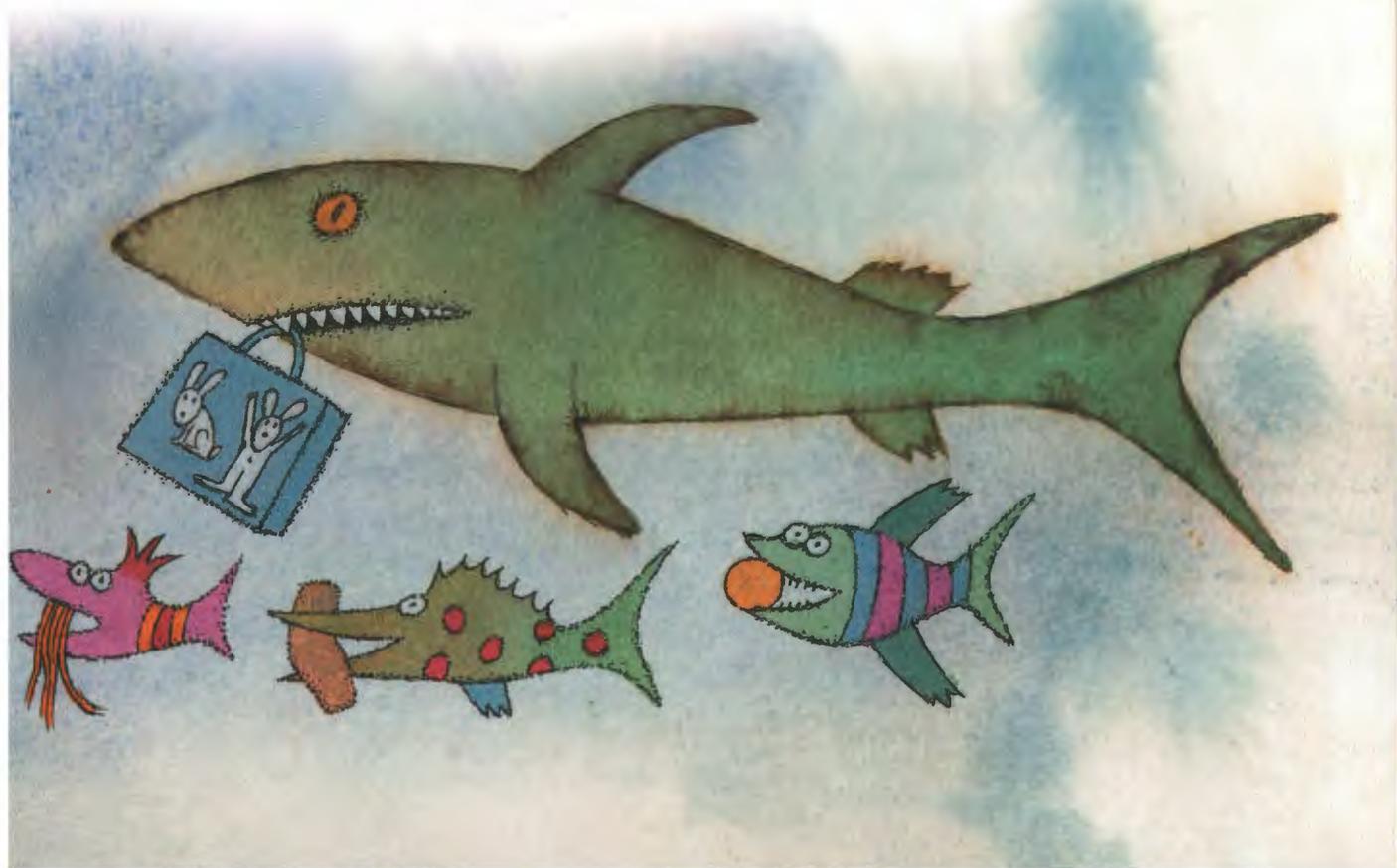
мимо скал, поросших кораллами, которые тянули к ним свои разноцветные веточки, видели жёлтых и красных актиний, похожих на ожившие цветы, больших и маленьких морских звёзд, огромных крабов с розовыми панцирями и полуметровыми клешнями, осьминогов, которые прятались в пещерах, а навстречу им проносились целые стаи полосатых рыбок: белых, жёлтых, синих и красных. Коробки с гвоздями тянули Маха с Шебестовой всё глубже и глубже, пока они не очутились на самом дне. Там лежал огромный накренившийся теплоход, похожий на уложенную набок многоэтажку.

Мах с Шебестовой заплыли внутрь и оказались в гигантском ресторане, где плавали рыбы с котлетами и бифштексами во рту. Они поплыли дальше и очутились в огромной кухне, где рыб было ещё больше, — эти дрались за макароны, картошку фри и сладкие кнедлики. Вдруг в кухню

заплыла акула. В зубах она держала какой-то чемоданчик, разрисованный смешными кроликами. Мах схватился за голову: «Ёшкин кот, это же чемоданчик инженера Орешка с его изобретением! Видимо, акула нашла его где-то в каюте и решила, что он набит крольчатиной, тушённой в сметане». А Шебестова, которая тоже узнала чемоданчик, недолго думая, схватила свиной окорок, который углядела сквозь дверцу духовки, и подманила им акулу. Акула выпустила из зубов чемоданчик, сцапала окорок и была такова. Тогда Шебестова подхватила чемоданчик, кивнула Маху, и они начали всплывать на поверхность. Коробки с гвоздями им, конечно, пришлось для этого выкинуть.

На следующее утро Мах с Шебестовой пришли в школу пораньше и постучали в кабинет директора. Пан директор как раз пил кофе и читал газету. Увидев в руках у детей чемоданчик с изобретением инженера Орешка, он

установился на него во все глаза и решил сперва, что ему всё это снится. Но потом он нацепил устройство на голову, чтобы испробовать на себе: воткнул провода в газету, нажал кнопку — бззз, — и вся газета тут же уложилась у директора в голове. Будто он прочёл её от корки до корки: передовицу и все статьи, спортивную рубрику, письма читателей, советы мастерам на все руки, телепрограмму, курсы валют и даже все объявления — от продажи

ирландских терьеров до покупки персидских котят. После этого директор бережно уложил аппарат обратно в чемоданчик, чемоданчик спрятал в шкаф и торжественно произнёс:

— Милые дети, вы внесли большой вклад в развитие человечества, потому что с нынешнего дня уже не будет никаких трудностей с тем, чтобы все без исключения ученики усваивали учебный материал. Отныне даже самые последние двоечники за пять минут смогут превратиться в образованных людей, и для всех учителей настанет рай на земле. Я завтра же обращусь к пану министру с просьбой созвать международную конференцию педагогов, чтобы уже со следующего года использовать этот аппарат во всех школах земного шара.

Потом они все втроём пошли в класс, потому что звонок уже давно прозвенел. В классе стояла полная тишина, Дубинек с Вредekom на этот раз не дрались, потому что Дубинек одолжил Вредеку песенник «Бешеных крокодилов» в обмен на свой завтрак. Пан директор похвалил их за хорошее поведение, а потом объявил всему классу, что благодаря Маху и Шебестовой, вероятно, уже со следующего года вообще не надо будет учиться, потому что они спасли изобретение инженера Орешка. Пока что аппарат хранится у него в кабинете, но уже завтра будет передан министру образования. Дубинек наклонился к Вредеку и сказал ему на ухо:

— Слушай, Вредек, надо нам этим воспользоваться. Давай первыми наденем эту штуку на голову, и тогда у нас не будет за полугодие ни одной двойки.

— Ладно, — кивнул Вредек. — Так и сделаем.

Тогда Дубинек выкрикнул уже на весь класс:

— Извините, Вредеку очень плохо, он сейчас упадёт в обморок!

Директор испугался, что Вредек и правда упадёт в обморок, потому что тот страшно сипел, вываливал язык и закатывал глаза. Так что Дубинеку разрешили вывести своего одноклассника на свежий воздух. Но едва друзья оказались в коридоре, как бросились со всех ног в кабинет директора и достали из шкафа изобретение инженера Орешка. Дубинек вытащил учебники математики и чешского языка, которые прятал под курткой. Но Вредек потряс перед ним песенником группы «Бешеные крокодилы» и сказал, что перво-наперво хочет выучить наизусть все песни, как Дубинек. Дубинек заорал, что хочет первым испытать аппарат, ведь это была его идея. Тогда Вредек отвесил Дубинеку затрецину. Дубинек в долгу не остался, и принялись они драться за этот аппарат,

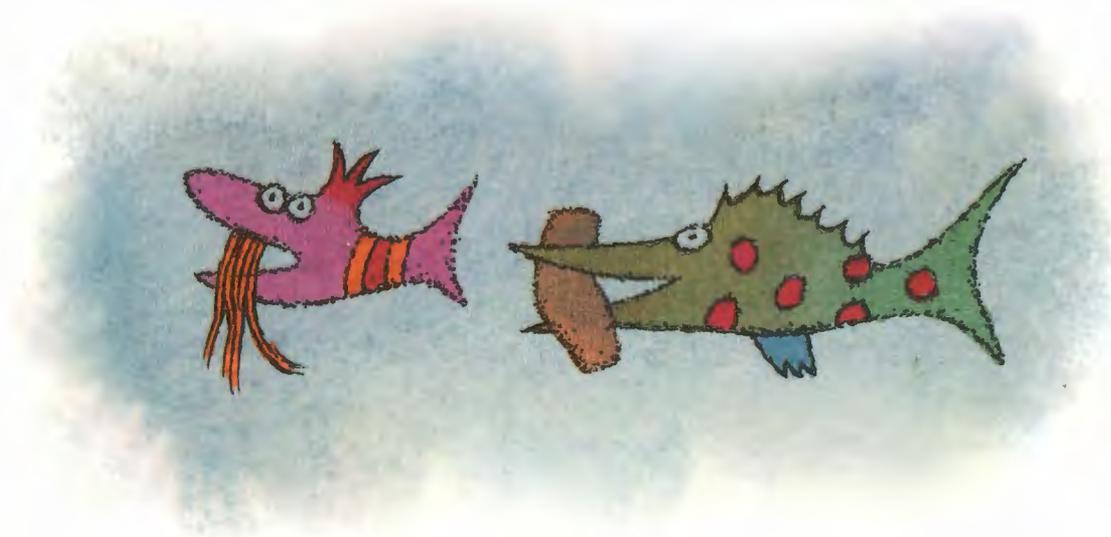

как дикие звери. В конце концов, изобретение инженера Орешка грохнулось на пол и разбилось вдребезги. Как раз в этот момент открылась дверь, вошёл директор, увидел, что стряслось, и ужаснулся.

Из школы Мах с Шебестовой шли в очень дурном настроении, потому что понимали, что великое изобретение инженера Орешка никто никогда не починит, а значит, никакой переворот в школьном образовании не случится, и всем детям на свете придётся, как и раньше, каждый день ходить в школу.

— Дружище Шебестова, — сказал Мах. — Плакать хочется, как представляю, что уже на следующий год по всей планете могли бы ходить одни образованные люди и каждый малыш с соской мог бы сдать выпускные экзамены. И надо же было двум таким болванам, как Дубинек с Вредеком, всё испортить!

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1

Как Мах и Шебестова спасали в Париже тётю Вилму 3

Глава 2

Как Мах и Шебестова побывали на Северном полюсе 15

Глава 3

Как Мах и Шебестова купались в Амазонке 27

Глава 4

Как Мах и Шебестова состязались с африканским колдуном 43

Глава 5

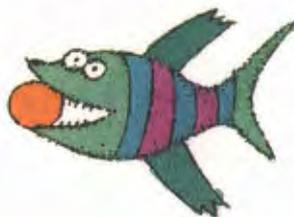
Как Мах и Шебестова искали в Австралии Йонатана 57

Глава 6

Как Мах и Шебестова ездили с Йонатаном в Голливуд 73

Глава 7

Как Мах и Шебестова ныряли у Гавайских островов 89

Для младшего школьного возраста (6+)

Miloš Macourek
Mach a Šebestova na cestach
Illustrations by Adolf Born

Милош Мацоурек
Мах и Шебестова путешествуют
Иллюстрации Адольфа Борна
Перевод с чешского Ксении Тименчик

Translated from the original: Mach a Šebestova na cestach
Text © Miloš Macourek, Illustrations © Adolf Born.
Published by arrangement with B4U Publishing/Albatros Media a.s., Prague. All rights reserved.
© Издание на русском языке. ООО Издательство «Мелик-Пашаев», 2018

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Чешской Республики

MINISTERSTVO
KULTURY

Мацоурек М.

М36 Мах и Шебестова путешествуют: сказочная повесть / Милош Мацоурек, ил. Адольфа Борна; пер. с чеш. К. Тименчик. М.: Издательство «Мелик-Пашаев», 2018. – 104 с.: цв. ил.
ISBN 978-5-00041-258-9

Книга «Мах и Шебестова путешествуют» рассказывает о невероятных приключениях двух чешских школьников, ставших счастливыми обладателями волшебной телефонной трубки, которая исполняет любые желания. О том, как волшебная трубка попала в руки детей, можно узнать из сказочной повести «Мах и Шебестова – волшебники из 3 «Б».

Для детей младшего школьного возраста.

УДК 821.112.2
ББК 84.4Чеш

Редактор Дарья Соколова
Вёрстка Ольги Боловинцевой
Корректор Ирина Москаленко
Руководители издательства Татьяна Руденко и Мария Мелик-Пашаева

Подписано в печать 30.01.2018. Формат 84×108/16. Тираж 5000 экз. Заказ № 1803510

Издательство «Мелик-Пашаев»
www.melik-pashaev.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-00041-258-9

9 785000 412589